

Наталья Макеева

СВРЕМЕННИКИ
И КЛАССИКИ

НИЧЕГО СТРАННОГО

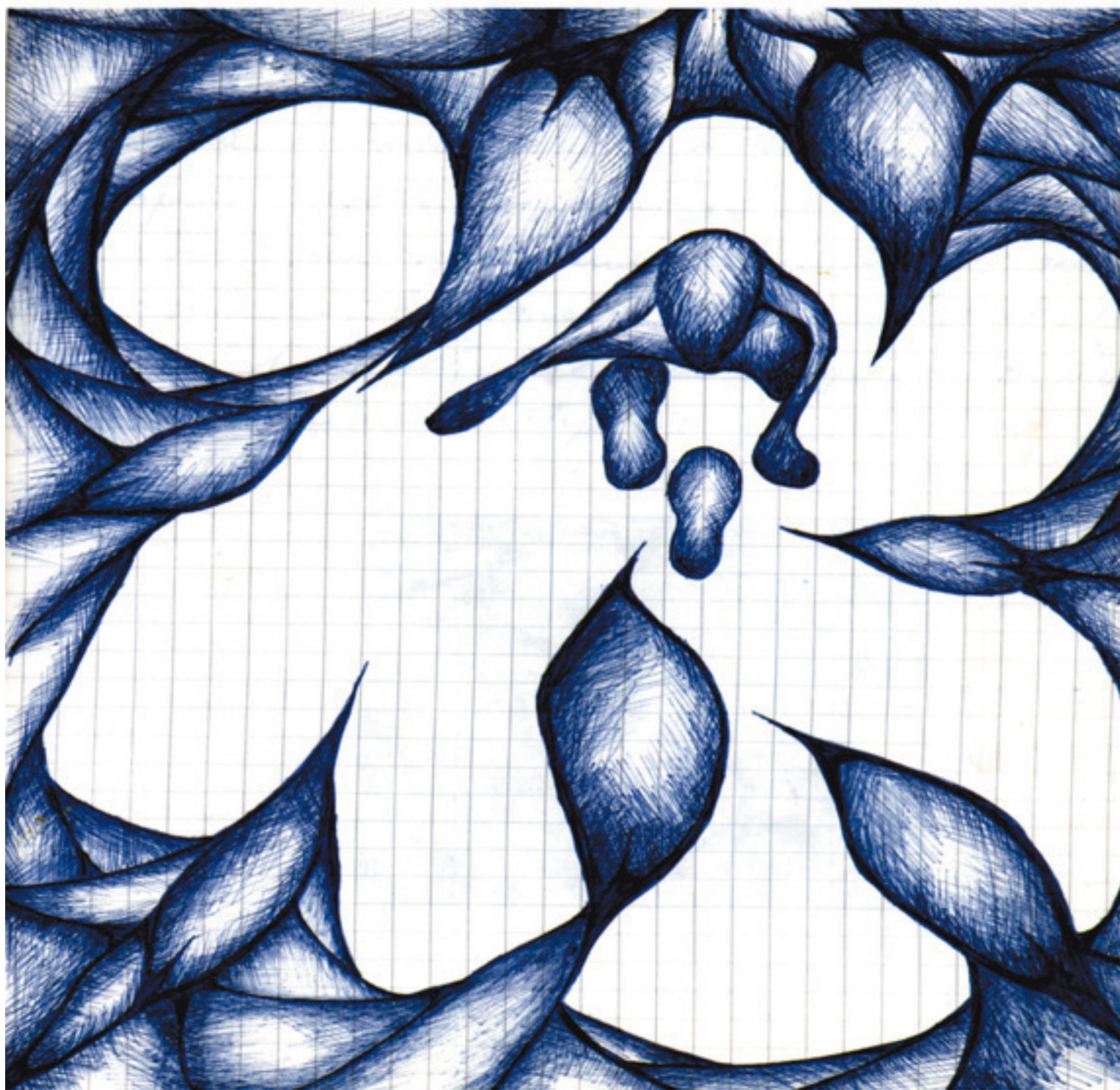

Рисунок автора

Современники и классики

Наталья Макеева
Ничего странного

«Региональное отделение продюсерского центра
при Интернациональном Союзе писателей»

2017

УДК 821.161.1
ББК 84(2 Рос=Рус)6

Макеева Н. В.

Ничего странного / Н. В. Макеева — «Региональное отделение продюсерского центра при Интернациональном Союзе писателей», 2017 — (Современники и классики)

ISBN 978-5-906957-52-8

Забытие — это то место, откуда мы приходим. Найдешь ли ты хоть крупицу странности здесь? Нужно открыть то, что спрятано за семью печатями иносказаний, отыскать крупицу истины в каждом кошмаре. Как только откроешь книгу — будет ясно, не ты — книга читает тебя. Наталья Макеева принадлежит к новой волне писателей, которых принято относить к направлению метафизического реализма. Уникальный язык, знаковая система, используемая Макеевой, открывает дверь в иные миры.

УДК 821.161.1
ББК 84(2 Рос=Рус)6

ISBN 978-5-906957-52-8

© Макеева Н. В., 2017
© Региональное отделение
продюсерского центра при
Интернациональном Союзе
писателей, 2017

Содержание

Возвращаясь к первопричинам	8
Метафизическая литература и постмодернизм	9
Чудо из античудес	12
Царство дословесной реальности и молочные реки снов	14
Сияние мира и концепция творчества	17
Ничего странного?	19
Проект «тысячелистник»	20
Дорога на восток	28
С голодухи	32
В ожидании Дульсинеи	41
Папенькин сынок	43
Креатив	45
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Наталья Макеева Ничего странного

Наталья Владимировна Макеева (11 января 1975, Москва) – писатель, публицист, член Федеральной сетевой ставки (ФСС) Евразийского союза молодежи (ЕСМ) и глава Информа-

ционной службы ЕСМ. Ответственный секретарь портала «Евразия» и Северо-Кавказского новостного агентства СКФО News.

В 1996 году окончила Абрамцевское художественно-промышленное училище им. Васнецова, отделение резьбы по дереву.

Литературным творчеством занимается с 12 лет, начинала с написания стихотворений. Участь в школе, заняла третье место на одной из ежегодных детских всемоосковских поэтических олимпиад.

По окончании АХПУ оказалась в «компьютерной» среде, состоящей в основном из представителей программистского андеграунда и участников некоммерческих FTN-сетей – НасНета, Фидонета и т. д. Примерно в то же время начала помещать свои тексты в электронные конференции Фидо (в основном – в эхоконференцию ОБЕС.РАСТЕТ), посвящённые литературному творчеству. Тогда же несколько текстов были опубликованы под псевдонимом в электронном журнале «Infected Voice».

С 1999 года публиковалась, в том числе под множеством псевдонимов, как журналист в РИА «РосБизнесКонсалтинг», «Русском Журнале», «Независимой газете», «Аргументах и Фактах» и др.

За время нахождения Натальи Макеевой в среде сетевой субкультуры её тексты были размещены на множестве сетевых ресурсов – в электронных библиотеках, в блогах и сообществах. Так же автор уже много лет ведёт собственную литературную страничку, сейчас располагающуюся по адресу – <http://makeeva.net/>

В 2000 году вела авторские передачи «Битвы хакеров» и «Виртуальная Евразия» на «Народном радио».

В 2001 году вступила в Союз Литераторов РФ, секция «Метафизический реализм» (почётный председатель секции – Юрий Витальевич Мамлеев, называющий Наталью Макееву своей ученицей), однако спустя некоторое время покинула СЛ РФ в связи с несогласием с организационной политикой тамошних чиновников, а также по ряду причин идеологического характера.

В 2002 году подборка рассказов была опубликована в альманахе «Равноденствия», вышедшем в рамках работы литературно-художественного проекта «Мистерия Бесконечности». Подборку открывало обширное предисловие Ю. В. Мамлеева. Так же с его предисловием вышла подборка рассказов Натальи Макеевой в сборнике «Равноденствия. Новая мистическая волна», вышедшем в издательстве АСТ в конце 2003 года.

Так же её рассказы, стихи и эссе выходили в газетах «Независимая газета – Ex-Libris», «Мегаполис-новости», «Литературная Россия», «День литературы», МОЛ, журналах «Наперекор», «Техника молодёжи», «Проза», «Московский вестник», «Порог» (бывшая Украина, г. Кировоград) и «Крещатик» (бывшая Украина) и прочих, а также на литературных Интернет-порталах, например – на порталах «Топос» и «Русский переплёт» и тд.

Руководитель Центра консервативных исследований МГУ, лидер Международного «Евразийского движения» Александр Гельевич Дугин: «Наталья Макеева принадлежит к новой волне писателей, которых принято относить к направлению метафизического реализма. Это течение представляет собой уникальное (по меньшей мере, по заявленной программе) явление, поскольку своей задачей метафизические реалисты ставят сочетание постмодернистской деконструкции с метафизической реконструкцией реальности. Если классический Постмодерн демонтирует реальность и на этом останавливается, Макеева стремится идти дальше и отыскать в обломках современности – человека, быта, отношений, пейзажей, снова, галлюцинаций обескровленного мира – новые горизонты парадоксальных утверждений и туманно героических ценностей. Чрезвычайно важный и крайне актуальный творческий и в каком-то смысле – идеологический эксперимент».

Писатель, драматург, поэт и философ, президент «Клуба метафизического реализма ЦДЛ» Юрий Витальевич Мамлеев:

«Творчество Натальи Макеевой представляет собой одно из самых глубинных и загадочных явлений в современной русской литературе. Она начала писать с раннего возраста, подчиняясь исключительно внутренней, почти мистической потребности, до последнего времени не думая ни о каких публикациях. Одно это уже знак истинного призвания. Русская литература стоит на перепутье. Нелепый социалистический реализм и ангажированное диссидентство канули в прошлое. Будущее – за новой русской литературой, которая на новом, невиданном уровне, уровне непостижимой пока реальности третьего тысячелетия, продолжит великое дело классики, уже ставшей мировым сокровищем».

Телеведущий, общественный деятель, член Изборского клуба Максим Леонардович Шевченко: Проза Натальи Макеевой – это русский способ вырваться из повседневной реальности, из простого быта, из простого бытия, затягивающего человека всегда, как болото. Русский человек, а Наталья Макеевой – это русский писатель разрывает завесу мира всеми немислимыми способами. В данном случае – это великолепный и отлаженный механизм речи, который, подобно инструменту, вскрывает эту реальность, чтобы показать за ней то подлинное, что через страх, надежду, любовь, веру или утрату веры, пробуждает в нас человека, заставляет социальных животных превращаться в мыслящие существа, находящиеся между миром, жизнью и смертью. Книга Натальи Макеевой – это хорошая и очень интересная проза.

Писатель, председатель Клуба метафизического реализма ЦДЛ (Клуб писателей-метафизиков), член Президиума Московской городской организации Союза писателей России Сергей Юрьевич Сибирцев: «Тексты Натальи Макеевой, продолжая лучшие традиции стиля, созданного Юрием Мамлеевым, являют собой пример действительно метафизической литературы. Многие её произведения внешне реалистичны, другие же – либо фантастичны, либо сюрреальны. Её герои – существа как здешние, так и совершенно потусторонние, отчуждённые – персонажи новых русских сказок о странном. Уникальный язык, знаковая система, используемая Макеевой, открывает дверь в иные миры».

Возвращаясь к первопричинам (о метафизической прозе Натальи Макеевой)

Михаил Сеурко

Творчество Натальи Макеевой является особенно интересным тем, что предлагает, как бы это парадоксально не звучало, исход русской литературы из Египта постмодернизма. Тот, кто открывал хоть раз её книги или распространившиеся по разным интернет-ресурсам произведения, может удивиться этому утверждению, потому что уже несколько прочитанных строк автоматически определяются читателем как в последней степени запущенности постмодернизм, даже если он с этим понятием и не знаком. Однако не всё так просто.

Приведём пару примеров таких первых строчек для убедительности:

«Кошмар! Ужас! – вскричала мадам Карманова при виде порченого картофеля» (из рассказа «Кошмар»).

«Однажды у папы с мамой завелась маленькая девочка. Так они и стали жить» («Девочка и смерть»).

«Посверкав за ужином суетливо и трогательно виноватыми бронзовичками глаз, человек не отправится спать» («Вызывание»).

Дальше – хуже. И никак нельзя отделаться от впечатления, что эти безумные строки рождаются, предвещая что-то более непривычное, более безрассудно ясное, чем всё то, о чём мы можем наивно мечтать, только перешагнув порог тысячелетия. В них, в эти строки, надо всмотреться, быть может, как в диагноз, наш общий диагноз или диагноз индивидуальный, но в диагноз уже последний и определяющий нашу судьбу.

На сегодняшний день единственным определением, которым можно обозначить творчество этой писательницы, является «метафизический реализм». Юрий Мамлеев предложил также довольно подходящий термин «неоавангардизм»¹. Но в этом скорее открывается особая черта метафизического реализма, наследующего многие модернистские тенденции, в том числе авангардизма.

Не всё в произведениях Н. Макеевой попадает под теорию направления метафизического реализма, разработанную мастером чёрной прозы Ю. Мамлеевым. Но нельзя не признать совпадение с первым тезисом, высказанным в его статье «Метафизика и искусство», о том, что литература метафизического реализма есть средство воплощения метафизических идей. Если говорить проще, она изображает духовную реальность.

Эта статья представляет собой попытку определить, что является в творчестве писательницы неизменным и составляющим единую картину мира, вычленив метафизические константы, имманентные тексту. Такой подход, определимый более интуитивным, чем аналитическим поиском, позволит читателю приобрести «ключ», который, возможно, позволил бы ему в своём открывать в произведениях Н. Макеевой новые грани и горизонты

¹ Мамлеев Ю.В. Путешественница в незнаемое http://exlibris.ng.ru/lit/2009-06-25/6_petit.html

Метафизическая литература и постмодернизм

Возникновение постмодернизма в конце XX века – логическое завершение развития искусства, но вовсе не его конец. Это конец понимания истории литературы как линейного процесса, предполагающего поступательное развитие и совершенствование, которое вылилось впоследствии в количественное накопление и ту ситуацию, которое принято обозначать постмодернизмом. Наступивший кризис, однако, вовсе не отменяет искусство, как некоторые полагают, но скорее оставляет ему только узкий путь, обращающий его к тому, чтобы питаться от иных источников, либо находя их в той же классической литературе (как, например, Ю.В. Мамлеев находит в Ф.М. Достоевском своего предтечу), либо обращаясь к более древним примерам. Но обращение к древнему нужно для поиска вневременного откровения, а не заимствования форм и их эксплуатации, как это происходит в постмодернизме.

Иначе говоря, кризис логоцентрической культуры может быть преодолен возвращением не к логосу как к таковому, а к тому, что стоит за ним – внутреннему логосу, или мысли, ещё неоформленной и пребывающей в потенциальном состоянии. Явным образом эта тенденция явлена в творчестве Н. Макеевой, что позволяет говорить о том, что метафизический реализм представляет альтернативу постмодернизму в искусстве.

Сложно дать универсальный взгляд на историю литературы, чтобы не упустить различные разнородные явления и направления в ней. Однако, чтобы понять генезис постмодернизма и того, что ему противостоит, т. е. метафизического реализма, необходимо хотя бы приблизительно обрисовать себе панораму изменений истории литературы в ближайшее несколько веков.

В своей статье «Литература как зло» философ А.Г. Дугин рассматривает литературу как диверсию по отношению к традиции. Очевидно, что в этом *случае* в понятие литературы не включаются сакральные тексты, мифы и предания, которые всегда играли важнейшую роль в традиционном обществе. Литература – это текст, лишённый сакрального измерения, мифа. Главной причиной начавшейся и ещё не закончившейся десакрализации текста является появление автономного индивидуума. Проекты секулярного гуманизма Нового времени воплощаются таким образом и в литературе, которая в этих проектах занимала далеко не последнюю роль вплоть до их краха. С общим кризисом проекта модерна приходит и кризис культурной его составляющей.

Ю.В. Мамлеев не раз отмечал в своих работах, посвящённых метафизическому реализму, что литература эпохи модерна² исчерпала себя, что человек изображаемый с социально-психологической точки зрения перестал быть ей интересен. Но дегуманизация, курс на которую взял XX век, без опоры на традиционные знания была обречена вылиться в то, что сегодня мы называем постмодернизмом, на бесконечные интеллектуальные игры и дальнейшую десакрализацию и фрагментацию бытия. Не зря Ортега-и-Гассет в своей работе «Дегуманизация искусства» отметил важной чертой нетрансцендентность зарождающегося искусства, его замкнутость на самом себе, которая в конце концов отменила понятие реальности и, соответственно, реализма.

Но параллельно с этим существовало и другое направление в литературе, обращающееся к мифам, к неизменным вечным принципам, к духу как таковому. Таковыми являлись проклятые поэты, представители магического реализма и литературы ужасного, символисты, таинственные писатели вроде Говарда Лавкрафта и Густава Майринка. Миф, сакраль-

² Следует различать термины модернизм, обозначающий совокупность литературных течений, возникших в начале XX века, и модерн как обозначение эпохи торжества идей Нового времени. В данном *случае* под литературой эпохи модерна необходимо понимать литературные направления, выразившие господствующее мировоззрение данной эпохи (сентиментализм, реализм, натурализм).

ное в произведениях этих писателей были на первом плане. Интересно, что это направление всегда противостояло мейнстриму и для многих «внешних» являлось мрачным, декадентским.

В русской литературе второй половины XX века появляются ярчайшие представители этой ветви В. Провоторов, Ю. Мамлеев, Е. Головин, целью которых становится исключительно стремление к метафизическому, к познанию того, что даже не было известно человечеству (со слов виновника основания Южинского кружка, в который они все входили). «До дна облизать познание»³ – их цель. Виновник, Ю.В. Мамлеев, обозначил это направление как метафизический реализм.

Отличающей особенностью метафизического реализма среди направлений этой ветви литературы является его тесная связь с постмодернизмом (постмодернизм стал литературным контекстом этом направления), который определил его уникальность в изображении внемирного. Одним из первых постмодернистов в России Ю.В. Мамлеева называют не просто так, обвиняя его почти что в сатанинском культе на бумаге. Надо отметить, что сам писатель успешно огородился от «внешних болванов» своими некодифицируемыми в русле «традиционной» литературы произведениями.

Именно постмодернизм определил ведущий способ изображения метафизических реалий в этом направлении – отстранённость автора от мира произведения в целом, его невовлечённость вовлечённость. Литературовед М. Адамович в своей статье «Мифотворчество в прозе 90-х: Юрий Мамлеев, Милорад Павич, Виктор Пелевин, Андрей Дмитриев» проинтерпретировала рассказ Ю.В. Мамлеева в свете постмодернистской философии Ж. Бодрийяра. В результате обнаружилось, что произведения писателя – «игровое пространство видимостей», в котором отсутствует центр, нет иерархии, пространственных границ, активно используется миф в новых мыслительных схемах автора. Читателю не понадобится подробный анализ, чтобы понять, что это относится и к произведениям Н. Макеевой. Неопределимость, апофатизм – важнейшие составляющие творчества обоих писателей.

Единственным замечанием здесь может быть лишь то, что определение «мыслительная схема» едва ли может быть адекватным для творчества, в основе которого лежит интуиция. Следует учесть, что мыслительная схема – не просто удобное выражение в устах литературоведа, как может представиться, но ёмкий термин, выражающий суть постмодернистского творчества. Она заключается в беспределе иронии, направленной на любой дискурс, претендующий на роль истины: мыслительная схема здесь становится предметом игры, забавой писателя-постмодерниста, который не верит сам себе.

Безусловно, постмодернизм не так прост: в нём нередко проявляется и тяга к сакральному, и экзистенциальные мотивы. Такова, например, трилогия В. Сорокина «Лёд», в которой эксплуатируется и преломляется гностический миф. Тем не менее возможностей для качественного прорыва и выхода из русла парадигмы Просвещения у постмодернизма нет. В нём возможны только формы отрицания этой парадигмы, но не выход. Обращение к мифу, к священному здесь происходит не как к источнику, через который осуществляется связь человека с ноэтическим миром, но как к предмету игры.

Однако означает ли явно диверсионный характер постмодернизма по отношению ко всему, что человечество считало ценным, что он абсолютно бесплоден и может только жевать самого себя? Всё более очевидна неоднозначность этого подзатихшего после лихолетья 90-х направления. Даже творчество В. Пелевина, являющееся своеобразной буддистской проповедью и метафизической сатирой, опровергает такую одностороннюю интерпретацию. Но этот вопрос в данной статье разбирать нет возможности, поэтому мы оставим его в стороне, сконцентрировав внимание на направлении «метафизического реализма».

³ Из стихотворения В. Провоторова «Невольница-ночь торопится...».

Постмодернизм метафизиков утверждает, что дискурс не принадлежит истине не в силу того, что истины нет или что она относительна, но в силу того, что она невыразима словами. Игра же освящена светом интеллектуальной интуиции автора и, что является более ощутимым и явным, раскрывает его особую философско-метафизическую систему (яркий пример – рассказ Ю.В. Мамлеева «Один (о космическом ницшеанце)»).

Поэтому постмодернизм метафизиков является не тем, чем может казаться. Можно сделать два умозаключения: либо это особый постмодернизм, либо это вовсе не постмодернизм, а просто внешне на него похожее течение. Второй вариант представляется более предпочтительным, поскольку в ином случае сама суть метафизического реализма совершенно не будет выражена.

Итак, влияние постмодернизма на метафизический реализм является существенным, однако идеологическая суть постмодернизма при этом полностью игнорируется писателями-метафизиками. Ю.В. Мамлеев, например, даже не считает нужным считаться с таким явлением, как постмодернизм, которое «просто фиксирует собственное бессилие и насмешку над собой же».⁴

⁴ Мамлеев Ю.В. Свободная русская поэзия <http://eurasia.com.ru/mystey/mamleev.htm>

Чудо из античудес

Ещё недавно можно было утверждать, что если современный человек прочитает о жизни преподобного Аммона, приручившего двух драконов, он даже не захочет читать остального, так как такие «сказки» не содержат в себе ничего полезного (керигму, то есть изложенное вероучение, как считают, в частности, протестантские теологи, необходимо отделить от мифа), хотя именно ужас, внушаемый этими существами, стал причиной спасения нескольких разбойников. Если святой мученик Христофор, который, согласно наиболее раннему преданию, был киноцефал и изображён на иконе соответственно, с собачьей головой (есть и другие, человеческие, изображения), то Синод, обратите внимание на время, в XVII веке «противные естеству, истории и истине»⁵ написания пытается упразднить. Хотя этого и не происходит, но на местах иконы всё-таки изменяют: в Спасо-Преображенском соборе в Ярославле у святого мученика Христофора с ликом человека справа на нимбе видно очертание собачьей пасти. Ясное дело, святые с «противными естеству, истории и истине» головами ничему не назидают и внушают только опасения.

Слишком становятся в Новое время узки границы реальности, но XX век в стремительном бегстве от реализма и от модерна бежит всё равно не вспять, а просто пытается ускорить свой конец. Реализм, занимавшийся только одним срезом реальности и явившейся в литературе наиболее адекватным воплощением духа модерна, – искусство для удовлетворения потребностей рациона, стремящегося всё поместить в прагматически подходящие границы. Всё иное, признаваемое теперь за воображаемое и фантазии, такое искусство игнорирует.

Сегодняшний читатель признаёт чудо, но, в основном, это античудо. Приручение драконов для него станет забавнейшим чтивом, сопровождаемым скучными «нотациями», а икону святого-киноцефала он, возможно, поместит в виде постера рядом с джедаями и Чубаккой; смысловую часть житий он просто опустит, как маловажную.

На первый взгляд, Н. Макеева следует логике этого античуда, чуда без смысла. Её произведения населяют фантастические существа: живые пятна, вампиры, ангелические бесы и просто бесы, цивилизованные людоеды и чудаковатые питомцы. При этом персонажи постоянно переживают какие-то метаморфозы и трансформации. Обычный мир представлен как вскрытый для потустороннего, в него врывается, не спрашивая ничего одобрения и без логического обоснования иное. Самое интересное, что персонажи произведений Н. Макеевой при этом потустороннее принимают за нечто родное и, несмотря на свои страхи, пускаются вместе с ним «впляс», входят в него, хотя ничего хорошего это для них не сулит.

Но мир произведений Н. Макеевой неоднозначен и сложен: дионисийское фонтанирование и жестокость беспрестанно изменяющейся реальности сочетается с холодной отчуждённостью автора и особым тонким ощущением трагичности, с ощущением утраты. Ужасное и патологическое смешаны с красотой и страхом, со стремлением вырваться из этого. Так, например, героиня рассказа «Невеста» девочка Таня живёт в ожидании «полного разврата», который, по её предчувствию, должен с ней случиться. Но удивительна последняя фраза в рассказе: «И когда случайная тень наползает на душу, Танечка замирает и, закрывая глаза, готовится стать невестой». Это религиозное отношение к разврату одновременно ужасает и поражает наше воображение. «Как можно видеть красоту в собственном страхе?» – риторически вопрошает героиня-повествователь из эссе «Красота».

Душная земная плоть с её ограниченностью запускается в inferнальный пляс лёгким пером мастерицы сублимного. Предельно субъективный неожиданный взгляд автора на то,

⁵ Липатова С. Святой мученик Христофор Песьеголавец: Иконография и почитание <http://www.pravoslavie.ru/put/070522120099.htm>

что он изображает, парадоксальным образом оживляет всё вокруг, превращает дьявольский карнавал и насмешку в указание на то, чем изображаемое по сути не является. Тут действуют принципы, недоступные разуму.

Интересно, что в её произведениях всё – от пятен и людей до нефти – живёт своей жизнью (в согласии с представлениями древних). Как проинтерпретировать высказывание вроде этого: «В воздухе носится и норовит укусить голосистая нефть»? Ещё индейцы хоппи считали, что *«если мы будем выкапывать богатства из земли, мы навлечем беду»*. И кусающаяся нефть как-то по-родному близка и знакома, хоть и не вселяет надежд. Есть в этом что-то ужасное. Во сне, я думаю, многим чувствительным людям могло привидеться, например, как они убегают от огромной сто долларовой банкноты, или как их заставляют работать кассирами или менеджерами. В общем, голосистая нефть – это контекст эпохи.

Но нужно ясно понять, что такие странные существа, как нефть, оказываются в произведениях Н. Макеевой не вследствие её рациональной рефлексии по поводу нашего времени и положения, хотя и этого отрицать нельзя, но прорываются из под- над- помимосознательного. Это тем более верно, что сама писательница высказывалась, что творчество можно назвать «припадком»⁶.

⁶ Макеева Н. Творчество – это припадок. Интервью с Натальей Макеевой на портале Паттерн <http://eurasia.com.ru/makeeva/pressa/pattern-intl.htm>

Царство дословесной реальности и молочные реки снов (несколько замечаний о языке)

*Девичий силуэт в распалённом воображении прозрачной лунных
бликов на воде, сравнительно со шкафом просто чушь.*

Е.В. Головин

Но многие люди стремятся жить как можно дальше от шкафов и других слишком явных предметов. Шамбала, Агартха, Туле... Китеж. Нет никаких гарантий, что эти манящие многих искателей страны вообще можно найти. Во всяком случае, в наше время они сокрылись с глаз долой от умопомрачённого человечества. Но вопрос заключается в том, как их искать. Действительно ли в поисках Шамбалы надо ехать на Тибет? Совершенно ясно, что профан найдёт только горы, камни, другие географические объекты, в лучшем случае, ящерицу.

Небезызвестный индус Бхагаван Шри Рамана Махарши жил на горе Аруначале. К нему стекались многочисленные паломники в поисках ответов на мучающие их вопросы и для медитаций, эффективности которых помогало пребывание в святом месте, в Раманашраме, обители мудреца. На вопрос одного искателя, как найти атман, своё бессмертное «Я», Шри Рамана ответил так: «Что можно ответить, если вы, находясь в Раманашраме, заявляете "Я хочу попасть в Раманашрам?"»⁷.

Чтение любого произведения (не обязательно литературного) погружает читателя в мир автора, так или иначе приобщает его к авторской инспирации. Качество этого погружения, рецепция зависит как от совершенства произведения, так и от возможностей читателя. Погружение же в миры, сотканные Н. Макеевой, – рискованное предприятие. Текст её произведения – вибрирующая ткань, скрывающая за собой Бытие, содержащее в себе океан потенциалов. Неаккуратный читатель поспешит сорвать эту ткань и останется тем же самым неотёсанным профаном, то есть найдёт одни камни, горы, пустыни, другие географические объекты или, в лучшем случае, койота.

Итак, прочитав не спеша одно-два произведения, замрите и загляните в себя. Вы уже где-то рядом, теперь, главное, не развлекаться умом... лучше откройте книгу на любой странице, прочитайте заголовок и посмотрите вокруг, послушайте. Например, вот вы в элэктричке, открываете эссе «Красота», замираете и всматриваетесь в лица соотечественников: в них, искажённых заботами, серых и мертвенных от городов и телевизоров, вы увидите тайный внутренний свет, еле видимый огонь, расцветающий в сумерках. Возможно, самые одарённые читатели увидят, как кто-нибудь из пассажиров обратится невиданной доселе птицей и воспарит, сверкнув очами... Но это самые одарённые – большинству придётся довольствоваться только видением внутреннего света и тайной красоты в мире.

Дальше мы должны читать по строчке. Можно прочитать несколько слов, например, первых «вычурная галлюцинация» и, откинув голову назад, начать постигать, смотря на всё это вокруг. Можно согласиться и сказать: «Действительно, вычурная». Или не согласиться: «Что вычурного? Самая обыкновенная». Но рекомендую согласиться. Пройдёт минуты две-три – берёте следующую «чудовища моего разума» и погружаетесь в фразу, можно даже воображать этих чудовищ, сублимировать, но здесь на второй фазе вы должны забыть вообще, что можно согласиться или не согласиться.

⁷ Будь тем, кто ты есть! Наставления Шри Раманы Махарши Сост. Д. Годман. Пер. с англ. и сост. рус. изд. О. М. Могилева; Под ред. Н. Сутары. – 2-е изд., испр. и доп. – М. – Тируваннамалай. Из-во К.Г. Кравчука – Шри Раманашрам, 2002.-351 с.

Дальше – действуйте в зависимости от обстоятельств: можете читать и дальше по одному слову, можете, если впадёте в подходящее психопатическое состояние, читать залпом сразу всю книгу. Дело индивидуальное... Главное, чтобы впечатление о том, что вы ничего не поняли, стало абсолютным. Если вы после этого даже не сможете вспомнить одного-двух персонажей и названий рассказов, то вы совершенный читатель, потому что побывали в той самой реальности, для которой слова не имеют значения. Вы приобрели гораздо больше, чем можно мечтать, а именно знание, что вы ничего не приобрели.

Произведения Н. Макеевой – это дверь в дословесную реальность, которую скрывали от нас всё это время, скрывали словами и жестами, знаками и мимикой, плакатами и другой чертовщиной.

Вот что пишет об этом собственно автор: «Мысль изреченная есть ложь по определению. Вербализация Живого – это всегда чудовищное преступление, расчленение Сущности, превращение её в кое-как влачащего существования уродца»⁸. Для того, чтобы скрыть истину, писательница рекомендует сделать её предметом обсуждения, её вербализовать, например, можно написать статью, подобную этой.

Итак, эти тексты – восстание против слова-идола, притязающего на абсолютную роль в нашей жизни. Мысли возвращается её прерогатива быть первичной, а истине быть неизреченной. Тексты Н. Макеевой – практика словесного воплощения словесно невыразимого, это лестница в Шамбалу писательницы.

Самое важное здесь – это язык едва уловимых ассоциаций и метафор, насыщенность которыми просто выводит читателя за пределы рационального, требуя уже иного интуитивного постижения. Такой подход к слову, который нередко просто смещает его содержательную часть, означаемое на непонятно что, размыкает логику языка модерна, лишённого символизма. Схематически можно изобразить различие между языком традиции и языком антитрадиции так: экспонент (слово как условный набор знаков) – денотат (объект) – сигнификат (представление о нём) в модерне, в традиции же экспонент выступает как символ, в первую очередь связующий с идеей вещи, её онтологической сущностью, и только потом с денотатом, объектом, вещью (отношения между идеей и вещью могут мыслиться по-разному). Таким образом, язык в логике модерна уплотняет реальность, сгущает её, держит человека в строгих порядочных рамках субъектно-объектных, рациональных отношений с миром.

Однако произведения Н. Макеевой нельзя читать в такой логике, будучи, по крайней мере, в здравом рассудке. Попробуем:

«И когда уже шар раскрылся, и оттуда выбралось с диким криком то, чего раньше никогда не было, выскочил Миша во двор, где всё копошилось, шевелилось и шуршало. Подняв глаза к молчаливо хохочущим звёздам, он понял, что многое теперь будет иначе, потому что трёххвостое нечто с визгом нырнуло в кусты» (Смерть и шароносица).

Что есть в этом отрывке? Какой-то шар, который, к слову, был смертью, проросшей на теле его подруги; то, чего раньше не было; двор, Миша, трёххвостое нечто, звёзды и кусты. Что положительно в нём описано? Согласитесь, это чёрт знает что.

В традиционной логике мы хоть как-то, что-то можем ухватить. Можем сказать, что всё это бесовщина, или на шар указать как на символ новой жизни (что, впрочем, почти кощунственно). Но и тут фиаско – прочтение крайне сложное даже через традиционные знания.

Делая небольшое отступление, зададимся вопросом, не обозначает ли это, что таким образом обозначаемое может быть далеко не безобидным, но исходить из inferнальных сфер? Можно ответить только утвердительно. Более того, нередко именно inferнальное и

⁸ Макеева Н. Препарация / Н. Макеева – Сияющий бес: Сборник рассказов и эссе – Санкт-Петербург: Геликон-Плюс, 2008

является напрямую обозначаемым предметом изображения (попробуйте найти в книге рассказ с хорошим концом и вы обнаружите, что там даже понятий добра и зла нет). Но изображение зла в литературе – что просто неизбежно – не является его проповедью. Неподготовленному читателю, которого будет смущать и пугать отсутствие маркировок добро/зло в тексте (её, кстати, нет и в жизни), лучше просто забыть об этой книге.

То пространство, в котором мы действительно свободны, от нашего бинарного нередко очень агрессивного мышления – это сон. Там может быть страх при виде непонятного уму существа, готового погубить спящего, но размышлять о том, какое оно плохое и почему, наблюдатель во сне не решается, он даже не станет его укорять и убеждать в том, что его не существует. Н. Макеева обращается к мотиву сна непрерывно, а специфический язык её произведений, разрушая наше стереотипное мышление, приближает к восприятию сна как большей реальности, чем та, с которой мы постоянно сталкиваемся поутру. Слово Н. Макеевой освобождает от плоти «сгущённых сновидений», от затвердевшего слова-идола и позволяет проникнуть в пространство снов, в «то место, откуда мы приходим».

Евгений Головин отмечал тотальную доминацию земли в наши времена и как следствия этого механистичность и закономерность человеческой жизни, из которой нас может вырвать только экссесс, шок. Всякого рода экссесс характерен для прозы Н. Макеевой, но это не главное. Главное – её владение словом. «Мы созданы из вещества того же, что наши сны» – эта строка из пьесы У. Шекспира «Буря» говорит о совершенно ином восприятии реальности, из которого убрано рациональное и причинно-следственные связи. Миры писательницы сотворены из вещества снов, слова же приходят из ниоткуда.

Именно поэтому, выйдя на улицу купить булку хлеба или в очередной раз опорожнив мусорное ведро после прочтения какого-нибудь безумного рассказа или эссе Н. Макеевой, мир можно не узнать: вам покажется, что солнечный луч за спиной угрюмой женщины за прилавком потягивается от усталости, булка хлеба тепло и с дрожью задышит в ваших руках, а в глазах продавщицы почудятся царства с реками из молока снов и мёда фантазии.

Но, скорее всего, вам привидится чёрт знает что...

Сияние мира и концепция творчества

Название прошлого сборника Н. Макеевой «Сияющий бес» выражало неэксплицированную концепцию творчества, объединяющую, пожалуй, все её произведения. В своей статье «Филология и православное богословие о силе творческого слова» писательница находит для словесного искусства, раскрывающего богоподобие человека, положительный контекст. В обращении авангардной писательницы с довольно странным названием книги и творчеством к православной традиции может показаться жестом противоречивым, но в этом можно и должно обнаружить и веское обоснование.

Православной традиции известны случаи, когда подвижникам под видом ангелов света являлись бесы, чтобы их прельстить. Некоторым из христиан, как, например, преподобному Исаакию, затворнику Печерскому, которому явился целый легион сияющих существ, случалось жестоко падать. Однако позже подвижник удостоился власти над данными существами и даже приобрёл венец святости. Не будет, пожалуй, грехом против истины утверждать, что случившееся с ним падение было наставлением от Творца видимых всех и невидимых, что не в ослепительном сиянии и голливудских спецэффектах заключается божественное.

Пытаться понять что-то в эссе Н. Макеевой «Сияющий бес» бесполезно. Картина крайне антиантропоцентричная, но мы, тем не менее, совершим попытку интерпретации. Совершенно неясно, что за Грань мира и почему шарики и откуда взялись пауки. Но общий тон произведения несомненно эклессиастический: упражнения пауков в паутиночной мудрости, которую разрушает бес; посыпание головы «прахом былых творений», который в финале шевелится «россыпью змиеватых зародышей», очевидно, очередного обречённого и неудачного творения; полуидиотические игры беса в шарики, которые он то катает за щёчку, то ласкает, то подбрасывает и ловит; плюс усыпляюще однообразный ритм повествования.

Сияющий бесличностная квинтэссенция мира, погрузившегося в невразумительное. Завораживающее своей псевдореальностью обескровленное бытие представлено как слабоумное бесконечно рециклирующее шевеление живого. Если традиционное изображение колеса Сансары у буддистов непременно содержит страшного беса, который это колесо держит своими зубами и лапами, готовясь пожрать, что обозначает временность и суетность мира сего, возводя буддиста к постижению шуньяты (пустоты), то у Н. Макеевой литературная танка, если её понять, в несколько раз страшнее. За колесом Сансары её произведений находится бес-идиот, беззаботно играющийся в шарики, позволяя постмодернистской действительности вновь и вновь обвораживать, вводить ни в чём не повинные души живых существ в сомнительный, но сияющий круговорот жизни.

Осознание такого положения вещей в традиционном обществе вызвало бы несомненно усилия по поиску выхода из него (для чего и существует, например, буддийская танка «Колесо Сансары»), но сейчас, когда все смыслы перевернуты с точностью наоборот, невозможно ручаться за то, что читатель воспримет всё должным образом⁹.

Чувственный мир, который утрачивает свою связь с интеллигибельным, неизбежно превращается в копию, оригинала которой нет, в слепленную материю, рециклирующую по

⁹ Хочется отметить в этой связи, что небезызвестная поп-певица Леди Гага, заинтересовавшись творчеством Н. Макеевой, отметила: «О! Сияющий бес! Это же я!» (см. http://www.ekhoplanet.ru/stars_824_13948). Было бы нечестным отказать ей в правоте этого утверждения, однако самое главное она упустила. Это непонимание, на наш взгляд, является не только показателем интеллектуального вырождения, свойственного нашему времени, но и закономерным следствием присущей многим современным людям страсти видеть во всём окружающем только то, что им хочется видеть. Не вызвало бы никаких удивлений, если бы какая-нибудь подобная леди Гага, увидев средневековое изображение чёрта, повесила бы его у себя дома вместо зеркала. Впрочем, культы чертей сейчас явление повсеместное.

шизофреническим сценариям. Можно играть по этим сценариям, пытаться вложить в них какой-то смысл, но в конечном счёте без «припадка», который в незапамятные времена назывался вдохновением, литература обречена фиксировать, по выражению А. Лосева, «ускользающее от мысли смутное пятно неизвестно чего».

Ничего странного?

В названии нового сборника «Ничего странного» раскрывается особый стиль писательницы и, пожалуй, направления метафизического реализма вообще. Прямое высказывание отношения к предмету описания часто вредит прозаическому произведению, а в этом случае – в частности. Как раз отстранённый взгляд Н. Макеевой на то, что должно изумлять, поражает ещё более, производит впечатление повседневной вовлеченности писателя и нас как читателей, в мир ужасного и непостижимого.

Создаваемый резонанс обыденности странного в идеале должен вывести читателя из уютного мирозерцания, травматическим образом совлечь плену, мягкий сковывающий предел между сонливыми галлюцинациями нашего сознания и страшной метафизической реальностью.

В такой ситуации метафизический реализм сам абсурд мироздания, его покинутость обращает в послание об Ином, в провиденциальную фазу, предвосхищающую то, что лежит по ту сторону нашего понимания (по ту сторону нашего понимания – если мы себя как человека не переросли). Поэтому значение метафизического реализма на сегодняшний день огромно, в нём заключены возможности, открывающие дальнейший путь русской литературе.

Поэтому можно смело говорить, что творчество Н. Макеевой и метафизический реализм как направление – это отнюдь не «похороны Иного»¹⁰, но его торжество над трупом мира.

И если вдруг вы услышите на заброшенном пустыре, как страшно завопит человеческими голосами пыльное море тысячелетника, как в рассказе писательницы, то не удивляйтесь. И не пугайтесь. Время уже близко.

¹⁰ Алхимические похороны иного и Сияющий бес <http://evrazia.org/article/978>

Проект «тысячелистник»

Посвящается Маше Коноваловой

I

Ни разу не свернув и не споткнувшись, Солнце описало круг. Ире, наблюдавшей за этим процессом, казалось, что такое просто невозможно – любая тварь да оступится. «Значит, Солнце не есть тварь». У неё в голове родилась странная идея о том, как Светило создало мир.

Каждый день порождал в её измученном сознании всё новые и новые идеи. Обезболивающие препараты этому только способствовали. Как-то ночью она придумала историю о том, как живут люди с той стороны земного диска. Нет, она, конечно же, прекрасно помнила основу школьной программы. Просто это уже не имело для неё никакого значения. Когда хватало сил, она просила мать принести ей ноутбук, фиксировала некоторые мысли и выкладывала в Интернет, нарочито нарушая в текстах любые возможные законы логики, смысла, морали и правописания. Потому что это действительно не имело никакого, совсем никакого значения. Посетители странички были в курсе, и никто не осмеливался напомнить Ире, известной в некоторых местах Всемирной паутины как Yagrow, о тех временах, когда она размещала по большей части отчёты о тусовках, концертах и прочие милые незатейливые заметки.

На страничку заходили и Ирины родители, успевшие уже прочесть в её сетевом дневнике, сколько у их двадцатилетней дочери было мужчин и какие «вещества» она пробовала. Но это тоже не имело для них никакого значения. Теперь всё вообще стало иначе. Теперь Ира заболела. Обычно, когда говорят «заболела» – подразумевают, что нужно пить лекарства, делать уколы, процедуры, а потом обязательно всё будет хорошо. Лекарства, уколы – это было. Не было только надежды на «хорошо». Все, включая Иру, знали об этом.

Ирина болезнь не была связана с её когда-то беспечным, и не самым правильным образом жизни. Если, конечно, не думать о возможности наказания свыше – ну, какое может быть дело Солнцу до безобидной юной богемницы. Солнце мыслит масштабами смываемых за один присест побережий. Врачи лишь разводили руками и твердили о предрасположенности – в семье Ириной матери случалось нечто подобное.

Медицина тщетно пыталась приостановить неизбежное в надежде на чудо. Две тяжёлые операции, терапия – всё это дало лишь временный эффект. Оставалась надежда на две вещи – на внезапный прорыв в медицине и на то, что молодой организм сам преодолеет жуткий недуг. И то, и другое, по сути, было равносильно чуду. Ира угасала. «Если бы вы обратились хотя бы полгода назад...» – твердили врачи.

II

С тех пор дом Голубевых замер. Родители как могли пытались делать вид, что ничего не происходит, но от этого делалось ещё страшнее. Ира постепенно перестала вставать, а все попытки её разговорить заканчивались маловразумительным потоком сознания, который с легкостью генерировала озлобленная психика девушки. Конечно же, она не была безумна и вполне могла бы общаться по-человечески, если бы захотела. Просто ей казались теперь совершенно бессмысленными все эти бесконечные обсуждения мира людей и предметов.

Ирочкина мать, Ольга Васильевна, полная домохозяйка с многолетним стажем, не выдерживала, убегая на кухню, набирала телефон вечно пропадавшего на работе мужа и шептала сквозь слезы в трубку: «Саша, ну ты же ученый с мировым именем!» И он, невесть в какой раз, не мог объяснить ей, почему же его заслуженная известность, уважение в научных кругах, связи и знакомства по всему миру не могут спасти их единственного ребенка.

Александр Голубев был биологом. Формально. На самом же деле специализация его носила несколько пограничный характер и включала обширные знания многих областей, в том числе – оккультные практики. Другой вопрос, что вырос-то он в эпоху всепоглощающего материализма и потому предпочитал считать себя ученым в классическом понимании этого слова. К нему обращались за консультациями из органов родного государства, он чувствовал на себе пристальное внимание иностранных разведок. В последнее время интерес этот усилился. Причиной стало появление в его лаборатории странного существа – объекта исследований и пациента одновременно. Существо это выглядело вроде бы вполне обычно – оно походило на «живые камни» в огромном количестве продающиеся в цветочных павильонах. Отличия крылись не во внешности и состояли в том, что родом оно было с Марса, поэтому обитало в специальном боксе, обладало разумом и могло общаться с людьми посредством мыслей. Россия вела свои исследования Красной планеты тайно – аборигена доставили Голубеву в обстановке особой секретности. Работа заключалась в изучении «объекта» и обеспечении ему, как представителю марсианской цивилизации, максимально комфортных условий. Общаться с человеческим мозгом «живой камень» на тот момент уже научился, поэтому проблем с коммуникацией не возникло. Марсианин знал, что у Александра Ивановича стряслась беда.

«Ты громко думаешь», – вспыхнули в голове *ученого* слова. – «Да?» – «Твой отросток болен?» – живой камень по-своему понимал родственные отношения между людьми. «Она умирает». – «Ты можешь помочь ей». – «Как?!» – «Не знаю, сможешь ли ты понять меня. Я изучил твой вид и знаю, что спасти твоё создание можно. У неё не функционирует тело. Но цел разум. Мы в таких *случаях* выращиваем пустое тело, которое крепится к корням и разум перебирается в новое жилище. У вас всё сложнее. Ваши тела не бывают пустыми с самого начала – как и тела прочих движущихся, зато ваши растения совершенно свободны. Однако переселить ни в одно из них никого нельзя, разум не сможет там удержаться. Но выход, повторяю, есть. У вас достаточно развито умение, которое вы называете генной инженерией. Ты можешь взять некое растение и привнести в него мою ДНК. Тогда станет возможным отпочковывание разума». – «Моя дочь станет растением?» – «Да, таким как я. Она, кроме того, сможет воспринять вашу атмосферу». – «Нет, это невозможно! Для человека стать растением – одна из самых страшных участи! А может, хотя бы животное?» – «Нет у вас такого животного. У них свой, пусть и очень простой, но разум. Я этой ночью говорил с кошкой. Очень тонкие, стройные мысли, хотя к абстракции и логике она не способна. Подходит только растение. Она сможет чувствовать, думать и даже размножаться. Это немало, поверь».

Голубев и раньше знал, что марсиане видят и слышат нашу действительность по-своему, но всё же... Эта идея не укладывалась в голове даже у него.

III

Шло время, а чуда не происходило. Ира доживала последние недели. «Не более трех месяцев», – вынесли приговор врачи. Девичье личико осунулось, кожа обтягивала скулы и казалась полупрозрачной. Она всё больше спала и почти не разговаривала. Ольга Васильевна похудела на тридцать килограммов, а глава маленькой семьи перестал появляться дома...

После беседы с «живым камнем» о возможном «растительном» будущем Иры он много чего передумал, вспомнил, сопоставил. В конце концов, в тайне ото всех, он принял решение... Так в лаборатории появился новый обитатель – тысячелистник. Дочь подписывалась в сети таким именем, и это сыграло решающую роль в выборе растения. С одной стороны – невзрачное, с другой – вряд ли его дочь теперь это вообще волнует.

День, когда придется «отпочковывать» разум Ирины, неумолимо приближался. О пересадке чего бы то ни было в прямом, физическом смысле речь не шла – теоретически, в растение должно было перейти «я» девушки примерно таким же образом, каким копируется файл – такое же «я» останется в теле и умрет. Практически – «есть и другие варианты», – обтекаемо выразился марсианин. От всего этого у Голубева временами мутнело сознание, но – это какой-никакой, но шанс...

IV

«Живой камень» подробно объяснил всю несложную технологию пересадки – нужно было взять около ста граммов крови и полить ею растение. Поскольку процедура не была только механическим действием, пришлось совершить определённый ритуал. Голубев, в силу воспитания, пошел на это скрепя сердце, но «живой камень» с самого начала живо интересовавшийся мистическими практиками землян, настоял.

И вот ученый с мировым именем, облачившись в черный балахон с большим капюшоном, нацепив на тело пентаграмму из циркония на кожаном шнурке, поливает кровью дочери генетически измененное растение, бормоча при этом что-то на енохинианском языке. Марсианин оказался прав – человеческая душа содержалась в крови, а не в мозгу и не в сердце... Ире отец ничего не сказал – её остающемуся в теле «я» незачем было знать, что вместо неё на свете будет жить помещенная в растение личность-близнец. Не была в курсе происходящего и мать – зачем обнадеживать столь бредовым образом её, и так сходящую с ума от горя?

Тысячелистник впитал кровь. От него исходило густое молчание – Голубев чувствовал, что идет какой-то сложный процесс. Такое молчание он замечал перед грозой у марсианина – «живой камень» прятался от негативных энергий вглубь своих корней, где совершал одному ему ведомую внутреннюю работу. «Вам бы тоже не помешало почаще заниматься чем-то подобным», – примерно так звучал намек «живого камня» на отсутствие связи с корнями у сотрудников лаборатории и время от времени заглядывающих в неё кураторов от одной из спецслужб. Сам он признавался, что хочет всё же вернуться на Марс, что прогулка затянулась, и здесь у него нет будущего ни в одном из смыслов этого слова.

...Ира умерла через десять дней после ритуала – тихо, лишь вздрогнув во сне – на глазах у родителей. В предшествовавшие этому событию дни она уже не приходила в сознание. Александр Голубев, вместе с супругой оплакивая Иру, не мог отделаться от мысли, что плакать не стоит, что всё только начинается.

...А ещё спустя два дня, перед самыми похоронами, растение заговорило.

«Папа!» – вспыхнуло в его голове. Он почти физически услышал голос дочери. «Ира, ты здесь?» – «Папа, со мной всё в порядке. Тот, другой, каменный, всё объяснил. Забери меня домой, мне здесь страшно!» – «Доча, я сейчас должен...» – «Меня похоронить? Поезжай, я же знаю, что это надо. Только я хочу, чтобы ты знал – в том теле меня уже не было. Я вся ушла в цветок. Кстати, если бы ты не провел ритуал, то было бы лишь почкование. Ты молодец. И балахон у тебя клёвый. Вот бы померить!»

Последняя фраза больно хлестнула Голубева – ведь понятно же, что Ира уже вряд ли сможет что-то померить. Она теперь лишь воспринимает мир. И общается. Она, наверное, сможет стать мыслителем – её свободное тело сознание будет неограниченно генерировать

текст. Среди живых, живущих в теле, есть те, кто только и мечтает о чем-то подобном – параллельно с идеями бессмертия шевелится колченогая идея киборгизации бытия.

Похороны прошли странно. В сознании Голубева всё никак не могли ужиться растение, общавшееся с ним только что, и опустевшее тело дочери, предаваемое земле. Он напился, кричал, что Ирочка жива, окружающие воспринимали поведение безутешного отца с пониманием. Жена молча плакала.

На эксперимент Голубев пошёл тайно, и даже минимальная огласка могла легко обернуться серьезными последствиями, поэтому растение из лаборатории он вынес с огромным трудом. Однако ещё труднее было всё объяснить жене. Вначале-то она приняла голос в голове за галлюцинацию. Мол, тронулись напару.

V

Их жизнь осторожно входила в новую колею. Близилась осень, молодое растение нуждалось в хорошем уходе... На самом солнечном, предварительно хорошо утепленном окне, ей соорудили новое место жительства – просторный поддон с лампой дневного света. Первое время Ира просила ставить её на свою старую кровать и показывать вещи, фотографии, но потом нашла затею получше. Она весь день слушала музыку, просила мать принести ноутбук и её руками «посещала» любимые места в сети, «писала» в соцсети. Никто не знал, как она «видела» и «слышала», это было просто фактом, как и те стихи, что она диктовала матери, ставшей для заточенной в растение девушки главным средством физического взаимодействия с миром.

Время от времени Ира высказывала странные пожелания. Однажды ей захотелось поступить в МГУ, она заявила что будет готовиться, а сдавать экзамены и учиться её кто-нибудь будет носить... В конце концов, у отца ведь есть средства нанять специального человека. Скоро, правда, она сама поняла, что это абсурдно.

«Ира...» – «Да, мама, я всё понимаю. Придется, значит, остаться мне без высшего образования».

Потом Ира просила привести к ней в гости бывших друзей и своего последнего бойфренда. Посиделки решились устроить, лишь взяв с Иры обет трехчасового молчания. Молодые люди думали, что их собрали на поминки.

В Ирином сетевом дневнике время от времени появлялись записи от её имени. Завсегдатаи были возмущены, но потом решили, что пишет некий безутешный близкий ей человек. Одно было несколько странно. Стихи смотрелись как слишком близкая стилизация. «Наверное, старые, из архива», – предположил кто-то.

Наступила весна. Ира расцвела стрелой с нежной бледно-розовой корзинкой крошечных соцветий. Генетически изменённый тысячелистник рос не по дням, а по часам – намного быстрее, чем обычный. Цветение, начавшееся у Иры в конце апреля, у её диких «родственников» обычно приходится на июнь, а то и на июль.

В мае, как это бывало и раньше в «прошлой жизни», вся семья поехала за город. И тут появились пчелы! Выйдя спросить, не жарко ли дочке во дворе на солнце, Ольга Васильевна обнаружила на соцветии жирного шмеля и с криком «Саша! Иру насилуют!» – кинулась звать мужа.

«Мама, – настигла её мысль, – прекрати, пожалуйста! Господи, как же хорошо...»

Шмель, огромное пушистое существо, перебирался по соцветиям, уверенно орудуя хоботком. Ира была на седьмом небе от удовольствия и впервые за долгие месяцы обрадовалась своей цветочной жизни. Поскольку нервную систему ей целиком и полностью заменила растворенная в соке нематериальная субстанция, эти переживания оказались ей доступны.

С того дня она просто купалась в блаженстве – шмели, пчелы, мухи и жуки посещали её в огромном количестве – по одиночке и по несколько штук сразу.

«Мама, у меня будут дети».

В один прекрасный день, когда Ольга Васильевна убиралась на площадке перед домом. Ира... Сперва она приняла эти слова за очередную странность, но правда оказалась ещё страннее любых представлений о ней. У Иры действительно завелись дети. Как это и должно происходить – пестики, тычинки... Крошечные «я» в растительных телах ждали своего часа. Голубев начинал понимать, что происходит нечто очень серьезное. Самым простым решением было обрезать стебель – самой Ире это не принесло бы никакого вреда. «Нет, папа, аборт – это убийство, ты сам мне всегда говорил. Спасибо тебе – человеком я не залетала ни разу».

VI

Ира вела себя ну просто как настоящая беременная: то просила полить – непременно со специальным составом, чтобы не опали завязи – «Выкидышей я не переживу!», то поставить себя в тень, то ей мерещилась тля, то гусеница, хотя паразитов её генетически измененная «плоть» совершенно не привлекала. Ольга Васильевна тем временем готовила место для семян – ведь дочь требовала сохранить жизнь каждому своему ребенку... Впрочем, ранние приготовления были несколько преждевременными – дабы не вступать в противоречие с сезонными ритмами в природе, будущий «дедушка» принял решение посеять «внуков» весной...

Роды были для Иры болезненны, хотя человек вряд ли может осознать телесные переживания такого существа, как она. Вернее это назвать даже не родами, а кесаревым сечением – Голубев аккуратно срезал созревшую цветоножку. В голове его стоял душераздирающий визг дочери. Ну кто же виноват, что обезболивающих средств для растений пока не придумали.

«Но скоро придется...» – думал он, отправляясь с аккуратно упакованными семенами в лабораторию, примерно посчитав, сколько в довольно скором времени будет Ириных потомков. Отказываться от цветения и срезать бутоны, во-первых, было болезненно, во-вторых, Ира эту идею отвергла, заявив, что не позволит никому лишать себя одной из последних радостей. Корнями она не сильно-то разрасталась, не уходила в плеть. Здесь, видимо, сыграла свою роль генетика «живого камня». самого его, «соучастника», на тот момент давно забрали у Голубева. До ученого лишь изредка, ночью, долетали сквозь сон бесконечно грустные мысли о далеком доме – его так и не вернули на Марс.

Будущим Ириным детям предстояло ждать зимы в условиях повышенной безопасности. Всю зиму будущая мать изо дня в день, каждый вечер расспрашивала Александра о том, как там её малютки – не сыро ли им, не прорастут ли незаметно раньше времени, нет ли в лаборатории крыс? По весне Ольга Васильевна аккуратно пересадила её и приготовила почву для малышей. Дети взошли – конечно же, не все, и Ира рыдала, обвиняя в этом мать. Уагтов всё время общалась со своим семейством, отвечавшим ей роем неоформившихся мыслей. Молодые растеньица ещё не умели направлять ментальный поток на конкретный объект, и в головах Ириных родителей стоял гул, словно в доме с утра до вечера галдели реальные, человеческие дети.

Голубевы осознали, что перед ними – дочь, которая больше не напьется, не приведет домой очередного патлатого приятеля, не потребует новых нарядов. И внуки, которым не надо менять пеленки, которые не попортят мебель, не изорвут обои. О чем-то подобном мечтают многие семьи... День ото дня супругам становилось всё страшнее.

«Мама, дети очень талантливы, они будут хорошо учиться!» – «Ира...» – «Да всё я понимаю, мама. Но читать и считать мы их всё-таки научим! И ещё – мне бы не хотелось, чтобы в присутствии детей включали телевизор. Это плохо влияет на психику!»

Ольга Васильевна растерянно взглянула на юную поросль, чувствуя, как спина её покрывается холодным потом. В отличие от матери, всё же оставшейся человеком, дети уже сейчас, а развивались они быстрее человеческих младенцев, проявляли совершенно свой менталитет. Их мысли были эхом из будущего – голосом новой неантропоморфной разумной расы.

VII

Ольга Васильевна ещё не представляла всего масштаба происходящего. Она и не догадывалась, насколько опрометчиво поступила, выкинув землю, оставшуюся после пересадки Иры, в окно. Ей и в голову не приходило, что по двору уже подрастает несколько копий дочери – и биологических, и психических, просто растения не настолько развиты, чтобы кто-то мог услышать их голос. А ещё пара копий выросла у соседнего дома – теперь уже никто не узнает, как туда попала земля с кусочком корня. И кто ж знал, что изменённая генетика сделает корни тысячелистника невероятно живучими.

Естественно, не знал ни о чем и Голубев. Он всю работу над проектом, конечной целью которого должно было стать появление бездушных тел, идеально приспособленных для вселения в них хотя бы, для начала, Иры, а в идеале – и её детей, пока они сами ещё не начали размножаться. Высокое руководство эксперимент одобрило и тщательно засекретило.

Ученый переходил родной двор ежедневно, погруженный в свои нелегкие думы... Он, наверное, ещё долго не заметил бы легкого мыслительного шепота, беспомощно окутывающего пространство. Но вот однажды, проходя мимо сплетничающих на лавочке старух, он случайно услышал примерно следующее:

«Да его же ещё ночью помощь психиатрическая увезла. Ходил голый, всем сказал, что с растениями общается!» – «Ой, Лид, у меня внук-то вчера что выдал: тут во дворе у нас девочка в цветочке живет. Я ему: Дюймовочка, что ли? А он: «Не, баб, я ж большой уже, я в сказки не верю!» Чего будет!!! Точно говорю – это болезнь новую вывели, чтоб с ума людей сводить и на нас испытывают!»

Голубев прислушался. Откуда-то пробивался голосок дочери. Ближе... Ближе... «Это же прямо под нашим балконом!» Растение беззвучно звало на помощь. А рядом с ним в ужасе затихло, даже слегка пожелтев, ещё одно Ирино «я». И тут, чуть дальше... И в кустах. Голубев насчитал пять растений, личности которых тоже были копией его бедной дочери, которая в этот момент усиленно контролировала свою мать, занимавшуюся подрастающими «внучатами».

В отличие от «живого камня», этот вид существ не обладал особо сильной энергией мысли, и до окна квартиры Голубевых, то есть до четвёртого этажа, тихие «голоса» их дочерей не доносились. К счастью. Иначе сошли б с зеленого своего ума и Ира-оригинал, и «дети» и, конечно же, Ольга Васильевна. Голубев бережно пересадил страдалиц в целлофановый пакет и, не заходя домой, помчался обратно в лабораторию, где поставил каждую в отдельное помещение.

Если раньше дочь была одна, то теперь он почти физически чувствовал, как его разрывают на куски эти маленькие «я», каждое из которых считает «оригиналом» именно себя и испытывает сложную гамму вполне человеческих чувств, базовым из которых является всё же ревность. Хотя «дотянуться» до него дома копии не могли, он знал – они зовут его, в злости и панике, тихо и недвижимо проклиная тот день, когда их отец совершил ритуал.

А тем временем кусочки корня, случайно попавшие в соседний двор, тоже подрастали. Два уже вполне развившихся растения кричали в голос в головах прохожих и обитателей некоторых квартир... Безумие распространялось всё шире и шире. Медики тайно поговаривали о новом страшном заболевании. Тут же всплыла старая экзотическая теория о том, что в ряде случаев шизофрения может носить характер инфекционного заболевания. Информация не могла не попасть к спецслужбам... Когда Голубеву задали вопрос: «Что бы это значило?», он только развел руками, хотя в глубине души похолодел от понимания сути происходящего. В тот же день он отправился в то место, о котором упоминал его куратор. И, конечно, нашел там одного из клонов Ириной личности. Больше никого на тот момент он расслышать не смог – второго накануне ночью изрубил мотыгой один из сошедших с ума жильцов и корни ещё не успели восстановиться. Теперь на месте одного вырастет больше десятка тысячелистников... И сколько вновь обретенная «Ира» ни твердила о «другой», Голубев не мог ничего обнаружить и решил, что его очередная «дочь» сама слегка повредила растительный свой рассудок. Теоретически это было более чем возможно.

Когда Иру рубили, она истошно кричала, но никто, кроме обезумевшего человека, не слышал ее. Кто-то проснулся, но принял крики за собственный сон и вскоре снова уснул. Ира не могла понять, как же так получилось, что её выкинули с балкона, оставили на улице, а теперь и вовсе отдали в руки маньяка. «Мама! Папа!» – она звала как ребёнок, но всё было бесполезно. Она ненавидела весь мир – растительный и человеческий – за всю ту боль, которую ей причинили. То, что она приняла за смерть, лишь на время избавило её от цепи страданий. Безжизненные – до поры – куски корней и стебля валялись рядом с «другой», почти физически дрожащей от непереносимого ужаса... С той другой, которую отец нашёл и спрятал в пакет из-под печеня.

Голубев и на этот раз никому ничего не сказал. Просто в лаборатории появился ещё один обитатель. Персонал лаборатории, ухаживавший за объектами, не вникал в подробности шепота и вскрикиваний, исходящие от одушевленной зелени. Персонал давал подписку о неразглашении и меньше всего хотел забивать себе голову всякой научной чушью, а потом покорно пил психотропные и не задавал лишних вопросов.

А тем временем проект с созданием пустых тел хотя и развивался, но не так быстро, как хотелось этого Голубеву. Ира, по-прежнему жившая с ним и Ольгой Васильевной, как ни ограждали её от пчел, опять ждала «детей». Впрочем, на этот раз столь масштабного пополнения не ожидалось. А первая поросль уже всю зеленела. Ещё немного и малышня станет совсем взрослой – так и до первых шмелей рукой подать.

VIII

Следующие два года для Голубева прошли в командировках и напряженной работе. Исследования в этой области тайно велись по всему миру. Якобы скончавшиеся сильные мира сего продолжали жить в первых экспериментальных, несовершенных телах. Но всё же это была жизнь, причем с надеждой на пересадку. От оккультной части процедуры избавиться так и не удалось, и очередной виток интереса к разного рода мистике во всем мире отчасти был отголоском этих экспериментов. Шила в мешке, конечно, не утаишь, зато всегда можно вытеснить неудобную утечку информации на страницы желтой прессы и в среду шизоидных маргиналов.

У Голубева не было времени вслушиваться в окружающий его мир. Он жил мыслями о том, что Иру – хотя бы одну! – и кого-то из её деток вот-вот удастся перенести в человеческое обличие. Иного смысла в жизни ученого не осталось, ведь время летело очень и очень быстро...

В тот день Александр Голубев, изо дня в день возвращавшийся домой на машине, решил избавить себя от стояния в многочасовой пробке. Остановка автобуса была довольно далеко, от неё к дому пришлось идти мимо пустыря, где пыльное разнотравье поглощало остовы каких-то обезличенных механизмов, стрекотали кузнечики и вообще жизнь была ключом. Среди прочей растительности всю рос и цвел тысячелистник...

Голубев остановился и машинально стал вслушиваться. Сначала до него долетел робкий, очень знакомый шепот. Голубев приблизился к зарослям. В сознании всплыли «Иры», живущие в разных комнатах лаборатории. Может, обознался? Шепот сначала перерос в говор, а потом – в крик. Голубев почему-то подумал, что жена, наверное, сейчас опять наглоталась транквилизаторов и читает сказки «внучкам». А может, как уже случалось пару раз, сидит на кухне и разговаривает с геранью и кактусом. Голоса становились всё громче – голосов были десятки... Нет, сотни.

И тут Голубев взвыл. А в его голове вопило пыльное море тысячелистника.

Дорога на восток

Герман вздрогнул и попробовал встать, но тут же упал. Сердце его бешено колотилось, мысли не сходились в одну точку. Всё, что происходило, не укладывалось в общую логику последних событий.

Боль, всё дело в этой боли – ноги его ныли, как будто ничего не произошло. Как будто тело его не гнило в могиле, кости не глодали черви, а душу не рвали на части жадные шестикрылые твари. Что случилось?! Почему пройденный путь отозвался в несуществующей плоти? Фантомные боли? Здесь, где сама материя...

Впрочем, Герман остановился и посмотрел вокруг. Вязкий, живой бархат кишащего бывшей жизнью пространства, кажется, утратил некоторую плотность. Ещё недавно... хотя, со временем тут тоже была проблема... ещё недавно эти хищные крылья гнали их, потерявших всякое осознание «себя» вперёд, в пекло, как гонят по трубам нефть, как гонят на бойню стадо. Ни собственного «я», ни тем более плоти – только точка, сжавшаяся от ужаса, без сути и памяти, несущаяся от страшных когтей «пастухов» к полной и окончательной смерти. Смерти смертей. То, чем пугали две с лишним тысячи лет, оказалось не совсем правдой – у мучений всё же был конец и он приближался. Герман понял это не умом, который, кажется, растерзали ещё в самом начале – эту непрочную, самую брентную после физического тела, оболочку «рацио». Он просто знал и всё – без единой мысли.

А потом вдруг всё замерло. Он почувствовал, что плоть его непостижимым образом снова жива, и ей больно, и хочется плакать, как новорождённому, и время вновь обрело протяжённость. Его как будто собрали заново – от волоса до памяти детства. Голова – да, у него опять была голова и прочие части тела – наклонилась вниз и увидела, что ноги стоят босиком на сухой, слегка обгоревшей траве. И вот уже он лежал и бесконечно долго гладил вновь явившее себя бытие – колючее, жёсткое, в котором ползали и копошились невидимые сороконожки и муравьи. Глаза его смотрели и не могли наглядеться на все эти соломинки и песчинки, кровь била в виски, а ноздри жадно впитывали запах земли и собственного едкого пота. Далёкое неяркое зарево, пробивавшееся из-за горизонта, выхватывало из темноты камни и поваленные деревья.

«Я был не таким плохим»... Жил интересно, по крайней мере, он сам так думал, но умер, как многие – от случайного выстрела, полубытовая нелепость. Говоря и думая о смерти с таким ужасом, пафосом и почти подбострастием, люди всегда отправлялись в мир иной слишком уж незатейливо. Вот и его никто не хотел убивать. Сдавали оружие, одно неловкое телодвижение. Он даже не застрелился, ещё чего не хватало – просто забыл поставить на предохранитель. Такое случалось время от времени и до него, и после. Умер с пистолетом в руке – экий героизм. Не сделал в жизни ничего особенного – не был ни гением, ни злодеем. Даже не обзавёлся семьёй. Он внук знаменитого русского полководца и немки. Офицер, мечтавший о ратном подвиге, просидел всю жизнь в части, лишь изредка выезжая на учения. Его, казалось, после этой спячки ждало что-то важное, значимое. Но судьба есть судьба. Смерть наступила, как наступает зима, став просто фактом, с которым ничего уже не поделаешь.

Несколько секунд – и душа судит сама себя. Он понял всё – вся его в меру долгая жизнь раскрылась со всеми её ошибками и глупостями, и ещё вечность он бродил, воя неслышимым для живущих воем, – оттого, что не может уже никому ничего рассказать и, всё осознав, – ничего исправить.

А когда люди взорвали мир, и свершилось то, о чём твердили все религии мира, он оказался здесь. И шестикрылые обитатели этого места (которое было всегда, существуя лишь ради того, чтобы принимать и перерабатывать души погибших миров), обитатели изнанки

реальности, радостно, с криками и улюлюканьем, рвали его на части. Ему выпала странная доля – стать топливом, очень хорошим топливом без мыслей, без чего бы то ни было, просто молекулой классного топлива.

И теперь – что это?! Что это... Крошечный жук повис перед его глазами на чахлой травинке. Герман заплакал и слёзы его – настоящие слёзы – крупными каплями скатывались по впалой щеке.

* * *

– Ой, какие мы все из себя живые! – вывел его из транса насмешливый женский голос. Неподальёку стояла, подбоченившись, бледная рыжеволосая девушка с крыльями, одетая в какие-то немыслимые соломенные лохмотья, и оценивающе разглядывала его, нагишом распластавшегося на земле, – да ладно, не бойся, я не ангел. А крыльев у меня только два. Пошли.

Герман встал, прикрывая руками не к месту ожившую срамоту, почему-то при этом думая, с чего бы ему бояться ангелов. Или те, с шестью крыльями, и были ангелами? У девушки крылья выглядели как раз так, как их когда-то рисовали люди. «Только облезлые они у тебя, однако». Эйя, так её звали, потом рассказала, что в её мире крылатыми были практически все – бескрылость встречалась крайне редко и считалась тяжёлым уродством. Впрочем, летать по причине недостаточного размаха крылья не позволяли, а служили своего рода «элементом дизайна», по их длине, окраске и форме судили о происхождении и принадлежности к семействам и кланам. Ну а бескрылых нередко просто убивали, считая их появление на свет дурным предзнаменованием, причиной неурожая, смерчей, эпидемий и падёжа скота. Если какой-то семье удавалось скрыть бескрылого ребёнка, а потом обман раскрывался, общественность не долго думая расправлялась со всем «нечистым» родом.

Эйя, девушка кровей по меньшей мере скромных, а если всё называть своими именами незаконнорожденная дочь городского головы и безутешной вдовы торговца пряностями – обладала крыльями самого обычного вида. Такие были у большинства. И всё бы ничего, но так уж получилось, что она приняла решение от них избавиться. Дело в том, что общение с окружающими не складывалось у неё с самого детства по причине гремучего сочетания хорошо работающей головы и на редкость склочного характера. Маленький изгой придумала себе сказку, в которой у неё вообще не должно было быть крыльев, потому что настоящие её родители – из другого, более справедливого на её взгляд мира. Убежавшей из дома Эйе действительно встретились такие существа – на её родную планету прилетели земляне. Однако общение с ними несколько подпортило детские фантазии – в родстве с ними она не состояла, и крылья, в общем-то, не были чем-то чуждым её организму. Но тем не менее ей хотелось любой ценой, в прямом смысле слова сбежать с родной планеты. Крылья и стали той самой ценой, потому как скафандры и прочее оборудование было совершенно не предназначено для крылатых. Эйя с радостью приняла предложение ампутировать знак принадлежности к своему виду. Она уже представляла себя такой же, как окружающие её пришельцы из далёкого мира.

Побег почти удался – благо родные и близкие не особо-то интересовались судьбой подростка. За то недолгое время, пока крылатая общалась с людьми, она, обладая поразительными способностями к языкам, успела немного изучить тот, на котором они общались. Это оказался родной для Германа русский язык.

Операция по удалению крыльев прошла бы удачно, но один из препаратов вызвал необратимую интоксикацию. Её молодой, хорошо развитый мозг – то, чем она так гордилась – перестал работать. Спасать тело не имело смысла, и оставшуюся вечность Эйя выла, как были все – без исключения. Вой – это то, что католики называли «чистилищем». Промежу-

точное состояние, сбрасывающее часть посмертной тяжести. Рай? Об этом тут не говорили. Опыт у всех был один... Может, тот факт, что все прежние мучения прекратилось, свидетельствовал о том, что они попали в Рай? Герман посмотрел на перепуганных голодных существ, на крылатого заморыша (Эйя, как и все остальные, «воскресла» в своём первоначальном теле, по иронии судьбы у неё снова были крылья, теперь, после всего, не вызывающие у неё раздражения), ещё более-менее сохранявшего бодрость духа.

Хотя, по сравнению с участью «топлива» это – конечно же, Рай. На Германа взглянуло из своей норы нечто, похожее на ящерицу – с пятью глазами и непропорционально длинными тонкими трёхпалыми лапами. Взгляд этот ему не понравился. «Да, занятный у вас тут Рай получился, ребята!» – подумал он.

Крылатое человечество тоже в итоге погубило себя. И «Тот Свет» оказался общим для всех. В посёлке были и норы грешных грызунов, и гнёзда не менее грешных птиц и так далее... Все они были кем-то в своих мирах. А теперь дрожали в одном и том же месте – бесконечно одинокие и растерянные. Всех их когда-то гнали в топку. Но произошёл сбой. По версии Эйи, шестикрылые тоже себя уничтожили – может быть, «топливо» оказалось неподходящим. «Наверное, со мной не справились», – сказала как-то раз она. Среди обитателей посёлка нашлись и те, кто помнил, что некоторые гонимые в топку, в реактор или что это было, сущности находили в себе силы повернуть вспять, сталкивались с другими, взрываясь при этом и обжигая шестикрылых. Перевести эти рассказы кое-как смогла Эйя, на ходу ловившая основы любых языков. Герман вспомнил своё недавнее состояние и мысленно усмехнулся – либо эти горе-свидетели всё придумали, либо рассудок их повредился.

Времени в мире шестикрылых не было, и потому выворачивание ткани пространства произошло как бы мгновенно. Ожить по совершенно непонятым причинам в новой действительности смогли единицы. Видимо, как раз «не самые плохие». Только какой мир их окружал? Все видели здесь и знакомое, и чужое. Каждый находил себе еду, не слишком подходящую для прочих. Эйя протянула Герману какой-то плод. Лишь откусив он задумался: «А если я отравлюсь и умру, что будет? Или тут и смерти нет?» Наличие смерти никто не решался проверить. Все что-то грызли и пили грязную, пахнущую серой воду, подходившую всем одинаково. Все смотрели на зарево. Никто ни с кем, естественно, не разговаривал, за исключением каких-то редких тоскливых монологов. Разве что Герман и Эйя, благо они могли понимать друг друга, начинали время от времени обсуждать что-то из области своих прошлых интересов – история, философия. Но разговоры эти казались здесь настолько бессмысленными, что вскоре угасали, и каждый погружался в собственные нелёгкие мысли. Сколько так продолжалось – неизвестно, определять время было нечем. Эйя, занявшаяся изучением свойств окружающего мира, придумала, как высекать огонь из окружающей тьмы. На свет костра приходили новички – один страшнее другого... «Какая-то ярмарка уродцев. Радует одно – я здесь не самый последний урод». Герман знал, что рано или поздно всему приходит конец, как пришёл он его жизни, его вою, его страданиям. Значит и со всем этим должно что-то произойти. Только когда – вот в чём вопрос.

Он наблюдал за странной неутомимой девушкой, мастеривший какие-то дикие механизмы из обломков непонятно чего, веточек и камней, и ясно понимал, что если кто-то и изменит ситуацию, то это будет она, крылатая Эйя. Он смотрел на неё и не переставал восхищаться. Нет, не телом – оно было далеко не совершенно с точки зрения его эстетических представлений – бледная, худая и безгрудая... Эйя утверждала, что грудь у неё набухла лишь один месяц в году, сильно при этом мешая. Да и будь оно прекрасно – со всеми возможными иллюзиями относительно межполовых отношений и их физиологического воплощения Герман расстался ещё при жизни. Его восхищали личностные свойства Эйи, её упорство и изобретательность, не исчезнувшие даже в этом страшном месте. Он, потомок древних

земных воинов, и она, превосходившая в главнейших вещах любую человеческую женщину. Валькирия, его и только его валькирия. «А может, я всё же попал в Валгаллу?»

* * *

Когда источник воды практически иссяк, подбрасывать в костёр стало нечего, а съедобных растений в окружающем пространстве почти не осталось, обитатели посёлка впервые собрались все вместе. Все эти жуткие твари – птицы, змеи, ящерицы, человекоподобные. Все они смотрели друг на друга с ужасом и надеждой – никто не знал какой шаг предпримет сосед – вцепится в глотку или выведет к оазису.

Эйя достала странно знакомый предмет. Приглядевшись, Герман увидел при свете умирающего костра нечто смутно знакомое... компас! Девушка держала в руках самодельный компас! Как ей удалось его сделать – загадка, но чего только не валялось между камней, песка и сухостоя... Стрелка упорно показывала в сторону зарева.

«Восток», – тихо сказала она.

Как только она произнесла эти слова, Герман понял: путь их лежит именно туда. Что он и его мудрая валькирия пойдут на свет, и не важно, что именно ждёт их там – сады и источники, мир и покой, или пламя, скрежет и кровавая битва. А в спину им будет дышать жуткое многоликое войско одним своим видом способное обратить в бегство любого врага. Их путь на Восток. «... Чудесный плен, гранитный восторг», – вспомнились ему слова смутно знакомой песни. «Насчёт плена – это мы ещё посмотрим».

Герман встал приличия ради спиной к Эйе и погасил костёр – так, как это делали земные мужчины во все времена.

Наступила беспросветная чёрная ночь, полный абсолютный мрак за исключением одной только узкой светлой полосы, окаймлявшей край горизонта с восточной стороны.

С голодухи

Никто меня не просил туда идти и уж тем более не заставлял. Старая труба, в общем-то, никого не интересовала, не больше, чем серое небо над серой головой. Но рыжая Найда, носящая имя любимой собаки-жены последнего космонавта, сказала, что лет пять назад один человек пошёл через эту трубу за продуктами, и вроде даже смог найти ржавую банку старой тушёнки. Всё бы хорошо, да попал под пулю – много там сумасшедших тогда водилось. Потом-то их извели всех. Бригады психиатров, вооружённые до зубов, носились повсюду, и тоже куда-то сгинули. Поели друг друга небось. Ну так вот, тело его оттуда вытаскивать никто не решился. В тот конец трубы вообще никто не ходил. И так понятно, что съело его местное зверье, может даже ещё живым съело. И кости растащило. А вот банку, конечно, они вряд ли прогрызли. Хотя кто их знает... Но так хотелось есть, я уже и на Найду эту, и на ребёнка её коситься начала. Поэтому и пошла. Иду и качаюсь, кажется, взлечу вот-вот, а ноги еле передвигаются. Это первый признак того, что и тело, и мозг отрубаятся. Если теперь спать лечь, точно не проснусь. Кого будили после такого, рассказывали, как летали над миром, и что было очень страшно – кругом зверьё и трупы, трупы и зверьё. А пища – она под землёй и под завалами алым светом таким красивым светится, но почувствовать её могут только очень чистые люди – дети, скажем, или выжившие из ума старики, да и то хорошие, а кто ел, скажем, человечину, тот не увидит. Я не ела. Кажется.

Труба длинная оказалась. Совсем не страшно было идти. Я когда туда входила, думала, что страшно будет, если живьём есть начнут, а потом уже и этого не боялась. Шла и думала – сейчас увижу алые огонёчки, как на бумажке праздничной, которая в ящике с пивом была, мы его с год назад нашли. Я стала пить и упала. Спала потом. Но есть какое-то время не хотелось.

Сумку с банками я нашла. Две банки там было, а не одна – ржавые, но целые, только они совсем уже в грязь ушли. Я долго шупала-шупала и нашла. Открывать было трудно. Казалось, что сплю, и это всё равно сон, можно и не открывать, раз трудно. Мне Найда сразу сказала: «Будет очень есть хотеться, только ты не ешь сразу много, а то умрёшь». Я и поела немного, хотя и хотелось сожрать всё – я уже не помню, когда ела вообще. А там как раз конец трубы. Я вышла, думаю, может ещё что-то найду. Пошла вперёд. В общем, ничего особенного. Что я, железок не видела. Валяется всякое, только толку мало. Рваных тряпок набрала пару пакетов, рассыпающихся уже. И кость – плохая примета. Я её выкинула и пошла было назад.

Этот мужчина как из-под земли вырос. В серых штанах, а вместо другой одежды – железки. Смотрит так странно. Всё, думаю, сил бежать нет, не отобьюсь уж точно. Сожрёт он меня, только бы не живьём. Я вообще думала, что эти, которые ходят в железках, говорить не могут. Сколько раз их ловили, мычат только. Даже когда убивали одного – мычал, пока не сдох. А этот спрашивает: «Тебе лет-то сколько?» Я еле выдавила «двадцать три, кажется». А самой страшно так, я села и думаю, может он вскрытую тушёнку учует? И пока её жрать будет, я убегу? А он в пакет заглянул, отодвинул его и давай на мне тряпки рвать. Они и так совсем уже изодранные были. Ну, думаю, неужели у них одежды совсем нет, даже обернуться не во что. Так вот почему они в железках-то... Сразу так прикинула, что ветоши я ещё наберу и даже хорошо, что он сейчас эти тряпки заберёт. Может ему того и надо? А дальше что было – я о таком конечно слышала, но не знала, что это так больно. Он с себя штаны снял и свою штуку, которая у него между ног болтается, стал в меня засовывать, я думала – умру, у меня ж этого дела раньше не было. Я кричала и пыталась вырваться, но ничего не получилось.

Найда-то говорит, раньше в пятнадцать уже все этим занимались, но когда с голодухи, то не уже. Я хожу-то с трудом. Найда сказала, ей голые мужчины раньше снились. Я тогда

засмеялась – мне тушёнка снится и вода в бутылках, чистая такая. «Монастырь тут у нас!» – говорит Найда. Я не знаю что это такое, но звучит как еда.

В общем, сделал он своё дело, и даже банки не забрал. Я только и запомнила с перепуга, что глаза у него зелёные были. Бледный такой, кожа сморщенная, зубов нет и ногти даже желтее, чем у меня. Испугалась ещё, что мутант и заразил меня чем-то, но решила никому не рассказывать. А он и говорит: «Приходи, Лёша тебя снова трахнет».

Я осталась лежать, потому что больно и страшно. Встать боялась, и всё думала, как же поползу. Ползти-то долго. Ночью точно зверьё кровь учует и доберётся до меня и уж точно штуки совать не будет – съест вместе с тряпками. Достала банку, немного поела. Много нельзя, а то умру. Лежу и думаю – так больно, всё мне разорвал, кровь течёт, встану – точно вся, что есть – вытечет. Очень, очень плохо. И зачем люди раньше этим занимались? Найда рассказывала, что они с мужем много этим занимались, пока он не пропал – ушел куда-то, «забродил», как говорится. А она с ребёнком так с тех пор и живёт. Её Сашенька добрый, но глупый. Их даже выгнать хотели – мол, на самом деле отец ребёнка не муж Найдин, а мутант трёхпалый, который, говорят, как родился, собственную бабушку загрыз. Один сказал кто-то, а все подхватили, во дурной народ! Но Сашенька уже большой, восемь лет ему уже, говорит немного и никого не грызёт. Найда назвала его в честь отца последнего космонавта. Самого-то его нехорошо звали, это имя говорить нельзя, и умер он гадко – собаки его съели. Так что Найда сына Сашей назвала. Хорошо, что их не прогнали. Я, честно говоря, тоже тогда думала, что он мутант. Оказалось – просто глупый, потому что его отец много бродил и набродил себе чего-то. А может и я больная и поэтому мне так плохо? Ладно, не голова, должно зажить. Странно, что он банки не взял... Нет, странно, что я встать смогла и в живых осталась!

Вскрытую банку я доедала два дня. Второй с Найдой поделилась. Всё же она меня надоумила. Но рассказывать ей ничего не стала, а то решит, что я заразилась чем-то, хотя она конечно немного догадалась. Я ж вся рваная пришла, и кровь на мне была. «Там труба была узкая в конце», – объяснила я. Найда на меня как-то странно посмотрела. Привела Егора, общинного нашего голову. Он тоже на меня странно смотрел, но в трубу проверять никто так и не послал. Далеко это очень и место нехорошее. Вообще все удивились, что я вернулась. Егора кстати в честь любимого кобеля последнего космонавта назвали. Уж не знаю, что он с ним делал. Может, съел?

Той смеси, что год назад в пакетах нашли, конечно, хватало. Но это плохая еда, даже я знаю. От неё не живут, а лежат. Без неё и вовсе умереть можно. Хорошо ещё, что смеси этой много. Только её ешь-ешь и не наедаешься. Так плохо, совсем плохо. Надо срочно или сниматься, или новый склад искать, только все ж лежат, похоже, скоро умрём мы, подумала я. А ведь зима на носу. Я в месяцах не сильна, хотя читать умею, но люди говорили, август шёл тогда. Холод уже рядом был – каждый раз страшно, когда вроде бы и тепло, а он дыхнёт, и вспоминаешь, что зимой многие умрут, и неизвестно – сам-то переживёшь.

«Юлька, ты не заразилась ли?» – спросила Найда, когда мы с ней воду от грязи цедили. Юлька – так меня зовут. Не знаю в честь кого. Просто Юлька. Я мать свою плохо помню. Говорят, она странная была – говорила всё время, даже во сне, а потом ушла бродить и не вернулась, а потом её такой нашли, что никому не показали, тело железками и камнями заваляли, я туда хожу иногда, потому что люди говорят, что хорошо бы к мёртвым своим ходить. Мёртвых у нас много. Живых меньше – человек пятьдесят и все к своим мёртвым ходят. Встанут у железок с камнями и бормочут, а кто-то воет или плачет. Я молчу больше и вспоминаю, как мать со мной жила, но не получается. Другие ведь рассказывали даже, как их мать к груди прикладывала, а я только помню, что у неё волосы серые были и лицо такое перепуганное всегда. Вроде как она боялась, что меня съедят. Взрослого утащить сложно, а детей чужие воруют на еду. Только редко дети рождаются. Чаше, даже если и получится

зачать, вываливаются раньше времени, и их мать съедает. Хотя я думаю что нельзя – всё же это человечина. А что мать говорила – не помню. Врут люди, как есть врут.

Найда сказала, что пятна у меня на лице появились, а раньше их не было. Я испугалась страшно, но сделала неиспуганный вид и ответила, что нет – не заразилась ничем, но сама стала думать – а может и правда заразилась, потому что сил совсем не стало ходить, и пошла кору есть, я одна знаю, где есть деревья необглоданные. Ела, ела, вроде как ходить стала. И мёрзла всё. Закопаюсь под ветошь и мёрзну. Плохо. Наверное, я первая этой зимой умру. Найда, она ж подругой матери моей была и обещала обо мне заботиться, и то стала меня сторониться. То отвернётся, то встанет подальше. Но если бы я заразилась, то это ж быстро. Я видела, как это бывает. Начала бы умирать – кровь из рук пошла бы или глаза б засветились, и потом раз – и перестала бы дышать. Это точно что-то другое. Месяц, другой, снег уже пошёл, и вода замёрзла, а я как пряталась в ветошь, так и прячусь. Но жива.

«Найдочка, милая, я скоро умру, наверное, ты к маме меня положи», – сказала я, когда уже морозы ударили, и стало ясно, что я не заразилась, потому что если бы заразилась, то давно бы умерла. А значит, я просто так сама по себе умираю, у нас таких много было – ослабнут, прячутся. Даже огонь их не грел, а потом их окоченелыми находили. Но прошёл, кажется, ещё месяц, я точно не знаю, но я не умирала, только зуб один вывалился, и всё время хотелось плакать. И сплошные плохие приметы – как назло. Один раз приснился голый мужчина. Не знаю, что за примета, но вряд ли хорошая.

А когда вместо снега стала литься вода, у меня опух живот. Страшно опух – я сразу подумала – с таким не живут. Найда к тому времени меня уже не боялась. Она мне пузо пощупала, а потом спрашивает: «И кто же тебя так?» А я не поняла сначала, о чём она. Вроде никто меня не бил. К тому же когда поколотят – либо сразу опухнешь, или совсем нет. А потом я всё поняла – живот, оказывается, у меня опух из-за того, что тот мужчина, на котором железки были, в меня свою штуку засовывал, и что теперь внутри меня живёт человек. Конечно, теперь уже пришлось ей всё рассказать. Она ругаться и кричать стала, мол, что ж я молчала. Все остальные конечно узнали. Тоже ругали, мне и самой совестно стало, что я им ничего не сказала, ведь он мог придти и с другими такое же сделать. Мне объяснили, что это – ужасная вещь, и что лучше бы он меня и в самом деле сожрал. Но прогонять меня не стали, решив, что раз здорова, то и ладно, главное, чтобы ничем никого не заражала. Я тогда подумала, что это, конечно, был бы конец общины, если бы все от меня этим заразились и у всех повырастали бы животы, в каждом из которых жил бы ещё один человек. А потом они бы все родили своих людей, и есть стало бы совсем нечего. Даже смеси не хватило бы! А может, мы бы нашли еду? Ведь когда очень надо, мы находим, что поесть, я же нашла те две банки, когда уже думала, что умираю от голода.

Найда предупредила, что рожать мне будет больно. Я не поверила, потому как думала, что хуже, чем когда мне тот мужчина Лёха тыкал между ног, быть уже не может. Но Найда сказала, что может, и ещё как, и обещала, что примет у меня роды. А ещё предупредила, что от этого, в общем-то, можно и умереть. Даже раньше такое случалось, а теперь – вообще только так. Вот ничего себе сходила за тушёнкой. Человек внутри меня шевелился, и это было очень странно. Дети у нас в общине иногда появлялись, но я и представить себе не могла, что ребёнок появится из меня, и не очень-то верила, что все люди вокруг появились из женщин – Егор с его разрисованной кожей, теперь уже полудохлые старухи, старики. В общине об этом не говорили – всем всё время хотелось есть. Говорят, где-то женщины иногда ели своих детей, но думаю, и у нас такое случалось.

Очень быстро я стала похожа на сломанную игрушку. Я в детстве иногда находила такие – механизм внутри них портился и у куклы вздувался живот так, как будто внутри готовился лопнуть шар. Мой шар лопаться не собирался. Он шевелился в самый неожиданный момент, наводя ужас на окружающих. Слово «беременная» я слышала по поводу себя

редко, да я вообще, кажется, раньше не знала этого слова. На меня косились, и я не могла понять, что значат эти взгляды, но было неприятно. Хотелось, как мать когда-то, уйти бродить и не вернуться, но Найда сказала, что бродить нельзя, что теперь я должна заботиться сначала о своём шаре, а потом – буду о человеке, который в нем пока живёт. Общинный голова Егор приходил к нам и качал у меня над головой небольшим камушком на нитке, а потом сказал, что будет мальчик. Я не знала, надо ли как-то на это реагировать.

Я еле ходила и искать продукты уже не могла, а до лета было ещё далеко. Летом я пойду искать еду, которая иногда вырастает, а если очень повезёт – бегают между железок и покрытых песчаной пылью камней. А сейчас оставалось только есть разведённый в воде порошок и надеяться, что однажды посланные Егором в поход благословенные небом наши мужчины найдут что-то и вернуться с хорошей добычей, и от этого чего-то перепадёт и мне. А ещё иногда удавалось наковырять корней, но есть их каждый раз было страшно – мало того, что никто не знал, какой корень можно есть, а какой нельзя, так ещё и земля могла отравить растения каким угодно ядом – хоть новым, хоть доисторическим.

Найда, с которой мы теперь жили вместе, сказала, что надо придумать ребёнку имя. Это плохая примета – придумывать ребёнку имя до рождения. Или нет? Я посмотрела в щель между плитами, поёжилась и, увидев бредущего в отдалении умирающего старика Горана, предложила взять его имя. «Горан сахар нашёл, ты ещё маленькая была. Всем дал, а мне не дал, и ни матери твоей, ни тебе не дал. Пусть своё имя в гроб уносит», – сказала Найда. «А что такое гроб?» – спросила я. «Не знаю точно, но так говорят», – ответила она. Так мы и не решили, как назовём мальчика. А ещё Найда вспомнила, что вроде как точно когда-то была дурная примета – до родов вещи ребёнку собирать и давать имя. Да, ладно, я еду-то собирать не в состоянии, а она про вещи.

Кто эти приметы выдумал, наверное, очень умный был, потому что потом так получилось, что все их приметы сбылись. Все до одной. Если кто-то будет рассказывать про Войну и Катастрофу – не слушайте эти глупости. Их потом уже придумали, мне это точно известно – отец Найды хорошо помнил, что там произошло. Она сама помнит, но совсем плохо, маленькая она тогда была. А я и помнить не могу, я родилась позже. Отец вроде бы пропал ещё до моего рождения. Найде повезло, она с отцом росла. Под старость он сошёл с ума и пошёл бродить. Да так, что даже тела его не нашли, хотя тогда ещё были психиатрические бригады, таких ходоков искавшие, и даже иногда находившие. И откуда эти бригады взялись? Людоеды на самом деле, наверное. Одного найдут, вернут, добрый десяток – найдут и сожрут.

Когда-то мы жили, как в книжках пишут – еда, тепло, и хотя убить, конечно, могли, но не так как сейчас. Людей вообще никто не ел. Если кто читать умеет – почитайте, всякого добра по подвалам ещё валяется, не всё пожгли. Я вообще не могу представить, как они жили. Но потом, рассказал Найдин отец, жизнь стала постепенно становиться такой, как сейчас. Закончилась нефть – это то, на чём железки ездили. Солнце светить стало реже, и вода стала такой, что пить её стало трудно – всё труднее и труднее. Отец Найды и сам не знал почему, но разрушились не только города, но и посёлки, и мир стал таким, какой он теперь – по нему бродят общины, одинокие люди, пары. Кто только не бродит. Не только люди и не только звери ведь бродят. Одни плохие приметы бродят. Но общиной выжить всё же проще. Одинокие и пары – чаще людоеды, хотя и в общинах это случается. Мы живём, как говорит Егор, в развалинах, но как выглядит то, что не развалено, я видела только на картинках. Раньше я жила в своём уголке между двух плит, это вообще примета хорошая, но теперь, когда на мне вырос этот шар с человеком внутри, мы с Найдой и её глупым сыном живём вместе – греем друг друга, да и не так страшно, разве что когда Сашенька голосит: «Вы что? Что же вы, кто вы?!», а с ним это даже ночью бывает. По ночам она меня гладит и говорит, что тот мужчина должен был меня сначала гладить и трогать, а не кидаться так, что я решила, будто он меня сожрать хочет. У нас в общине пар немного. Давняя – только

одна, они уже совсем старые. Найда объяснила, что люди боятся жить парами, потому что от этого бывают дети, а есть и так практически нечего. Все, конечно, надеются, что всё станет не так плохо, но становится всё хуже и хуже. Найда гладит мой живот и приятно трогает меня пальцами между ног. Это не опасно, от этого детей не бывает, но таких пар, чтобы две женщины или два мужчины, у нас тоже нет. Бывает, что живут кучками, но это для тепла, а не для троганья.

Мой живот раздулся, и я уже почти не вставала. Найда помогает мне немного ходить, чтобы не отсохли ноги. Едим мы с ней по большей части порошок, хотя корешочки тоже вполне съедобны, главное, поварить их подольше. Если запах неприятный – надо выливать, наверняка отравы попалась. Всё время хочется есть. Я беременна, я беременна, я беременна... Найда странная, она меня пугает – а не собралась ли она съесть моего ребёнка? Что-то гораздо большее, чем я, овладело мною, и я готова была вцепиться в горло кому угодно за одно только собственное подозрение. Да что уж говорить – людей-то едят частенько и ни в ком нельзя быть уверенным. Найда на мои страхи внимания не обращает. Даже нашла мне где-то полуразвалившуюся книгу «В ожидании чуда». Про роды там много странного. Даже она не всё понимает, что там написано. Я знаю, что это всё равно – хоть читай, хоть не читай, будет чудо. Ещё более голодное, чем я.

Найда всё же умная. Я умею читать и знаю, что умные – злые, но она точно не злая. Ну, не все может, но многие. Так вот, Найда и посчитала, что мне уже скоро рожать. Как раз весна, скоро еда появится. Может она нас с ребёнком и не съест. У меня, кажется, совсем зубов не осталось. Хочется есть. Очень, очень плохо. Если Найда не бредит от голода, раньше у всех дети были. И вот этим самым, от чего дети бывают, все занимались и думали, что если ты не занимаешься, то ты хуже последнего трупоеда. Найдочка, всё же ребёнок твой дурак неспроста. Не делали раньше люди этого. Они ели, грелись и книжки читали. Еда, тепло и книжки. Вот бы мне... Я бы больше никогда не плакала. И зубы, наверное, заново выросли бы!

А потом я зарожала. Сначала живот стал болеть, как будто не тех корешков поела. Я испугалась и стала за камень бегать. Но потом Найда сказала, что это не корешки виноваты, а роды начались. Найдин сын, дурак, всё ластится. И это его «Уля, Уля!» Меня он так зовёт. А живот болел всё сильнее. Стала кричать: «Спасите! Помогите!» А кто поможет? Найда воды принесла и сидит рядом плачет, а все остальные попрятались, будто мор их прибрал.

Егор наш разрисованный сказал прятаться, не знаю уже зачем. Примета может какая-то. Живот стал болеть всё сильнее, а Найда сказала, что когда уже станет казаться, что сейчас помру, то ребёнок как раз родится. Живот у меня болел до ночи. А потом я не очень хорошо помню. Мне уже даже есть не хотелось, и пить не хотелось. Я всё думала – а может, умру, наконец, и всё? Двадцать четыре – это же много, это же хватит уже. Сколько мне ещё голодать? Вся уже серая, жевать нечем и ходить не могу. Я помню, что кричала страшно. А потом услышала, что кто-то ещё рядом, где-то внизу, плачет. Я раньше детей новорожденных близко не видела. А на картинках они не такие. Мне Найда его показала. Это девочка была, маленькая и синяя. Она кричала негромко так, а в центре живота у неё торчала скользкая неприятного цвета верёвка. А ещё из меня вывалился кусок мяса! Большой такой! «Награда!» – сказала Найда и стала его готовить и верёвку эту тоже, а потом мы ели. Я лежала, а они с сыном сидели. Девочку Найда завернула в самую чистую ветошь, какую нашла, и положила мне на живот. А ещё надавила мне на сосок и приложила ребёнка. Ребёнку в рот капнуло бело-жёлтое. Теперь эта девочка будет меня есть. Хорошо ещё, что у неё зубов нет. А мясо, которое вывалилось вместе с ней, и эта верёвка очень вкусные, лучше тушёнки. Это, наверное, и есть счастье!

Не понимаю я, как надо её назвать. Вот уже и день прошёл, а я называю её девочкой. Мне так жалко её – она похожа на крошечную старушку и, наверное, не выживет. В книге

написано, что чисто в доме должно быть. Да какая тут чистота... Чистота – это когда после дождя Солнце камень подсушит, но жить на камне я не могу: во-первых, за него гадить ходят, во-вторых – днём-то ещё ничего, особенно когда лето, а ночью точно сожрёт кто-нибудь.

У меня между ног кровь течёт после родов, везде эти пятна теперь, через всё протекают. Пытаюсь раз в два дня подмываться, но это слабо помогает. И ещё жар страшный и пить всё время хочется. Найда злится, что я много трачу воды, но как-то не сильно. Она говорит, что раньше считалось, что дети – это счастье, а не мяса поесть, потому что мяса всем хватало. Не знаю, я вообще не могу понять, что произошло. Человек внутри человека. Это что, так все и взялись? И эти – в железках, и людоеды – тоже? Очень странно. Девочка – пока так и буду её звать. У нас в общине девочек больше нет. Была одна, но она умерла – то ли выпила чего-то не то, то ли съела лет в пять. Да и мальчиков один всего – Сашка-дурак. Найда конечно его дураком не считает. У неё дураки все, кроме неё, Сашки и разве что Егора. «Дураки, потому идохнут!» – так и говорит. Вообще Найда хорошая, я бы без неё точно пропала. Может, конечно, я и так пропаду. Еды мало, на порошке мы все скоро пропадём. Мне очень страшно – кажется, что наши люди вот-вот начнут друг друга есть. Косятся так нехорошо друг на друга. Вот-вот кидаться начнут. Я боюсь, что меня захотят съесть живьём. Я однажды слышала, как живьём едят человека – одну старуху утащили бродяги, и никто не решился пойти её отбивать – она была такая старая, что пока бы её отбили, она бы всё равно от страха померла. Она, конечно, хорошая была – стаскивала ветошь к себе, а потом давала всем, кто сам не решался пойти поискать, хотя иногда и гоняла меня, когда я маленькая пыталась закопаться в гору тряпок и немного там поспать. Или это мне приснилось?

Девочка как-то странно, почти незаметно меняется. И пьёт моё молоко. Я и сама его пью – оно вкусное, хотя мясо, которое из меня вывалилось в родах, вкуснее. Правда, молока всё меньше и я не знаю, чем буду её кормить – Найда говорит, что нашим пищевым порошком детей кормить нельзя, что в общине уже от этого умирали младенцы. Пару раз к ребёнку подбирались пауки – жирные такие, пузо у каждого с мой кулак или даже больше. Я сначала испугалась, а потом обрадовалась, забила всех троих, и мы сварили суп с корешками и корой нанодуба. Сашенька потом почему-то плакал. У него бывает. А я всё никак не могу подобрать имя. Пусть будет просто «Девочка». Если выживет – потом сама себе придумает что-нибудь.

«Детей, между прочим, выгуливать надо», – сказала как-то раз Найда. Уже настало лето, мы не мёрзли и даже уходили довольно далеко, но так, чтобы если пойдёт зверьё или чужие люди, успеть добежать. В нашей общине многие умерли в эту зиму и никто не прибился. Человек тридцать, наверное, осталось нас, поэтому чужие нагнали, подбирались всё ближе. Я поэтому удивилась – ведь бегать с ребёнком мне будет труднее, и нас смогут догнать. Я была почти уверена – стоит мне с ребёнком на руках выйти чуть дальше пяти шагов к лесу, как из-за камней кто-то выскочит и тогда конец нам обеим. Найда смотрит хорошо мне знакомым требовательным взглядом, таким, что кажется – даже глаза у неё рыжие – прямо светятся. Я очень боюсь мутантов. Она, конечно, нормальная, но всё равно не по себе. Когда она так смотрит, я ничего не могу с собой поделать и слушаюсь её, хотя и понимаю, что глупость делаю и делать так в общем-то не надо.

«Детей, между прочим, выгуливать надо». Девочка притихла и совсем не плачет. Она вообще в последнее время, а ей уже два месяца, практически не плачет. Да и шевелится мало. Да почти все в общине стараются не шевелиться и уже почти не плачут. Вода есть и сейчас она даже лучше, чем всегда. Может, родник решил нас напоследок порадовать? Но что есть – не знает даже Егор. Мы поели всё в округе, что вообще можно есть, но забираться далеко не решаются даже мужчины. Говорят, когда-то еду растили, но наша земля ничего не даёт, не растёт на ней ничего, мёртвая она совсем. Лучше умереть от голода, чем самому быть съеденным живьём.

Иногда кто-то начинает, конечно, вопить и звать всех на поиски пищи, но каждому вопящему обычно хватает пинка, и тот затихает. Раз такой смелый – иди, принеси еды. Хотя бы пример подашь... Да и неизвестно, есть ли поблизости что-то, кроме остатков последней травы и коры. А вот зверьё есть точно, и убить зверя – то ещё дело. В общине хотя бы найдётся несколько пар рук, готовых в *случае* чего схватиться за камень. А в лесу? Да впрочем, какой это лес? В нём и съедобного-то не осталось. На картинках в книгах лес – это деревья. Здесь у нас деревьев уже и не осталось, почти всё больше камни. Но мы называем это место лесом, потому что страшно. «Тёмный лес» – так ведь?

Мы осторожно выходим – я с Девочкой и Найда с Сашенькой. Я ног не чувствую. Они тоже еле идут. Я глазами вожу – вдруг чего попадётся. Здесь даже небо серее, чем в общине. Нашла пару каких-то листочков. Говорят, когда-то совсем-совсем давно люди знали, для чего они сами и растения растут. Потом это было не нужно, а мы просто не знаем, забыли, а в книжках почти ничего не написано. Съел лист и думаешь, отравы или нет. Если оно горькое, конечно точно есть нельзя, а вот если просто противное – кто ж его знает. От одних листьев потом нормально, от других прыгать хочется, а один раз я поела – красненьких меленьких таких, так три дня спала, и всё тело посерело. Меня не похоронили-то только потому, что я немного дышала. Девочки тогда не было, а то бы она от моего молока точно померла бы. А другой раз поела – смеялась долго и так хорошо, так хорошо мне было. Правда, есть потом сильно хотелось.

Я с самого начала не хотела идти. Это Найда меня заставила. Ну не могла я отказаться и всё тут.

Не могло это хорошо закончиться. Найда прямо тащила нас вперёд, даже Сашенька завозмущался, хотя уж он её ещё больше чем я слушает. И пахнет везде так – ну точно не надо идти. Что за запах – не знаю, но страшный очень. Или я просто не ела давно и мне пора умирать? Запах смерти ни с чем не спутаешь. Каждый раз, когда он в общине появлялся, обязательно кто-то умирал. Вот и теперь... Мы уже прошли и первые камни, и вторые и уже даже стали попадаться деревья с корой, когда это произошло. Огромный человек в железе, мужчина Лёха – тот самый, который напал в том году на меня и сделал мне Девочку, появился из ямы, толкнул меня, и, вырвав ребёнка из рук, убежал. Найда, схватив за тонкую руку Сашеньку, помчалась за ним. Я попыталась встать и поняла, что не могу – от страха и голода, наверное. Они пропали, и я осталась одна – хорошая добыча. Конечно мы и в вдвоём, не считая детей, вряд ли отбили бы, но всё ж не так страшно. А теперь. Да хоть бы уж меня съел кто-нибудь, что ли...

Я с трудом встала и пошла вперёд. Съедят так съедят. Что же тут поделаешь. Побродив, я поняла, что и мужчина Лёха с Девочкой, и Найда с Сашенькой исчезли. Я понимала, что скорее всего мужчина всех их убил и теперь ест. А Девочку, может, уже и съел. Плакать не получалось – я вся стала как полый камень, нашла такой как-то раз давно уже, лет в десять. Вроде и надо плакать, и вроде хочется, но не могу, и ноги идут, а куда – не очень понятно. Так я пришла домой. Мне навстречу выбежал Егор – люди видели, как мы уходили, и всё это время спорили, живы мы или нет. Почти все, кто мог ходить, встречали меня. Когда Егор меня взял за руку, я села у его ног и наконец-то смогла заплакать. О моей Девочке, о Найде, о её Сашеньке. О том, что я сама теперь ночью буду мёрзнуть, пока не замёрзну насмерть среди пропахшей молоком и ребёнком ветоши. Лучше бы меня тоже съели, в самом-то деле. Только сначала пусть задушат, живём не надо. Пусть меня съедят, пусть меня съедят, пусть меня съедят, пусть меня съедят... Пусть же меня наконец-то съедят! Внутри что-то заболело – не сильно, но так, что хотелось порвать себя на лоскуточки. Люди молча стояли вокруг меня. Даже Егор молчал. А потом я всё рассказала. Мне казалось, что я пересказываю чужую историю и немножко верила, что дома ворочается Девочка, рядом спят, прижавшись друг к

другу, Найда и Сашенька, а серое небо через все железки и камни видит их и готовит нам много пищи.

Когда я закончила, Егор ничего не сказал – стоял как каменный, и смотрел вперёд себя – страшно так, а другие мужчины стали громко кричать, что надо идти и искать, и что хватит сидеть и ждать пока нас всех переубивают или мы сами перемрём от такой жизни. Несколько мужчин, кто ещё не падал, человек шесть, взяли что нашли потяжелее и поострее, а Егор взял ружьё, и они ушли. Все смотрели им вслед и плакали.

Наши женщины взяли меня под руки и отвели в дом к Егору, и его совсем уже седая младшая сестра с круглым наростом над левым глазом дала мне немного разведённого в воде порошка со сладкими гусеницами. Я съела и уснула, и мне приснились наши с Найдой дети. Сашенька сидел на земле у яркого костра, кормил грудью Девочку и ел жареное мясо. В кружке у него плескалась голубая-голубая, как на картинках, вода. И даже ветошь на них была белая-белая и слегка светилась. А Найды там почему-то не было. В том сне я была уверена, что её съел этот самый мужчина Лёха. А детей – нет.

Когда я проснулась, сестра Егора всё так же сидела рядом. Она вообще всё больше сидела, вместо того, чтобы лежать и беречь силы – выпрямится вся, даже голову немного откидывает и смотрит куда-то. А ещё она не говорит, хотя раньше могла. Вроде как это у неё началось после того, как она каких-то не тех ягод наелась. Её после них трясло сначала всю, а потом она гнулась вся. Не умерла и даже не стала совсем больной. Только замирает иногда. Вообще хорошая она, очень хорошая, и Егор тоже, даже когда еду делит. Я, наверное, попрошусь к ним жить – втроём греться лучше. Только они меня не возьмут. Все хотят жить с Егором.

Я всё же пошла к себе. Между плитами ветер гонял пыль. Я села и стала разводить огонь. Слёзы лились сами собой. Я одновременно думала две мысли. Одну – а может, сейчас придут мужчины и приведут всех живыми? Может, Лёха только собирался их съесть? Оглушил, а тут и наши подросли? Мы будем снова жить все вместе, и Девочка точно выживет и вырастет и появится еда и всё будет как-то совсем по-другому, почти как на картинке. А другая моя мысль была проще простого – хорошо бы все, кто ушёл на поиски, живыми вернулись. Надежды никакой с самого начала всё равно не было – и это касается не только поисков. Какая уж тут надежда. Егор всегда говорит: «Надежды нет, но выжить надо». Тем и живём, и нас всё меньше. Раньше хоть кто-то прибивался, но такого не было уже давно. Чем нас меньше, тем нас быстрее... Вроде как думать две мысли сразу – очень плохая примета, одна из самых плохих.

Мужчины пришли и привели едва живую Найду и Лёху, он тоже еле шёл, но не из-за голода, а потому что его, наверное, убивали, но потом решили не добивать и притащили сюда. Егор рассказал, что Лёха этот и есть Найдин муж, что она всё подстроила – что б он со мной совокупился, и от этого получился ребёнок, и чтобы потом меня заманить. Мясо она любит очень, раньше терпела, а теперь они сговорились. Уйти бродить с ним хотела – таких людоедских пар много шатается. Пока один не сожрёт другого. Когда Егор и мужчины их нашли, они уже детей убили и начали готовить, и стали друг на друга валить. Это он, это она, нет, это он... Мужчины их убить сперва хотели, но потом побили и, похоронив то, что осталось от детей, повели людоедов в общину. Я не верила, плакала очень сильно. Не знаю, как не умерла. Но Найда только волком смотрела и молчала, а потом плюнула в мою сторону. У неё всё лицо уже кровь залила, и я стала думать, что у нее это не только ее кровь, но и детей. И Лёха этот тоже почти уже мёртвый был. Я почему-то подумала про последнего космонавта и его жену-собаку.

Собрали всех, стали решать, что с ними делать, пока они ещё живы, потому как помрут сейчас, а судить за такое надо. Я плакала и ничего не могла сказать. Мне хотелось пойти на могилу к Девочке, но это далеко и опасно, и никто бы со мной туда не пошёл, а сама не

найду. Поэтому я ничего и не сказала. Все кричали, очень сильно кричали, я и не помню такого, чтобы наши люди так кричали. Даже когда пришли волки, так не кричали, только ветоши пожгли много.

Пока решали, Найда отходить начала, и поэтому, послушав, кто что говорит, Егор постановил: добить обоих и пустить на еду – это, мол, будет справедливо. Вообще-то людоедство это плохо. Очень плохо. Убить – хорошо, убить – это правильно. Только надо тело куда-то деть, просто деть. Я точно знаю, что если поест настоящей, убитой, а не от родов, человечины, то земля и корешки, и другую пишу спрячет. Хуже – только есть людей живьем... Все уставились на меня – что скажу. Но я промолчала и решила больше вообще не говорить. Никогда. Ни с кем. И не стала смотреть, как добивают Найду и Лёху, отвернулась и только слышала, как что-то захлюпало. Серые плиты, за которыми жили наши люди, качались, и небо плыло сильнее обычного. Я пошла к тому месту, где похоронена мать, но как обычно посидеть и поговорить с ней не могла, мне было страшно – за спиной людоеды. Примета – хуже некуда.

Не оборачиваясь, я покинула общину той же дорогой, какой шла тогда с Девочкой на руках. За спиной всё сильнее хлюпало, и плиты качались, издавая мерзкие звуки, а внутри плит кто-то шептался. Я улыбалась – красивыми красными точками под землёю светилась еда.

В ожидании Дульсиinei

«Ну когда же она придёт?» – мерил огромными шагами свою замусоренную квартиру на улице Кастанаевской Игорь Гранкин, одинокий мужчина, похожий на беспокойную капельницу. Вот уже пятнадцать лет он ждал, что в его расцарапанную кошками и подростками дверь постучится Прекрасная Дульсиinea. Ворвётся, влетит, и его беспросветная жизнь расцветёт в ярком свете присутствия прекрасной Дамы.

Нельзя сказать, что она ни разу не приходила... Заявлялась примерно раз в неделю, а то и чаще, но всё время упорно отказывалась сбросить с лица, души и сердца леденящий морок. Это было пострашнее ветряных мельниц! Даже великан и все драконы мира не могли сравниться с угрозой, преградой и западнёй в одном лице, регулярно переступавший пыльный трухлявый порог. А потому Игорь горько рыдал, закрывшись в ванной, бессильно пытаясь постичь весь этот абсурд, пока она допивала коньяк, грызла кусок колбасы, шмонала по полочкам и ни с чем уходила, даже не потрудившись захлопнуть дверь.

Искусством своим она владела превосходно: как-то раз Игорь чуть было не поверил, что к нему действительно зашёл с бутылкой давнишний приятель Стёпка. Уже открыли, налили и выпили, и Гранкин хотел, как водится, рассказать о своём непутёвом жизненном пути... То, что мелькнуло в заплывших Стёпкиных глазах, нельзя было перепутать ни с чем – этот блеск, эту страсть. Но зачем, зачем она снова использует колдовство?! Дульсиinea Тобольская? Подольская? Тамбовская... О, Тамбов!

– Зачем явилась ты в столь убогом и гнусном обличии, о прекраснейшая?

Степан и сам был нетрезв, а потому слова собутыльника на «белочку» списывать не стал. Без лишних разговоров треснул он Игоря бутылкой по голове и вышел вон, процедив сквозь гнилые редкие зубы: «У, пидор!»

Тело бессильно свалилось на пол, пороняв попутно предметы и потеряв сознание. В гулком чёрном провале бестолковая Игореева душа, скукожившись от ужаса, созерцала висящий в пустоте насмешливый бледный лик Дульсиinei. «За что?!» – молча вопрошал Игорь. Лик подёрнулся мелкой рябью. «За что же?!» – снова беззвучно взвыл бестелесный проситель, но ответа опять не последовало – он просто очнулся на своей кухне, среди бутылок, тараканов и крошечных, едва заметных, но всё же ясно мелькающих по углам человечков в нелепых шапочках. Это были гномы – с ними приходилось сражаться за неимением перебитых несколько веков назад великанов. Игорь даже не сомневался – именно из-за этих вечно суесящихся под ногами тварей бесконечно откладывается долгожданная его встреча с той, чей облик не укладывается в голове ни у одного из живущих. Эти гнусные мелкие создания превращали утончённый морок в жуткую пародию, мерзкий гротеск. Дульсиinea не знала... Да, она точно всего не знала! Да как они посмели обманывать её!

Но всё же она из раза в раз проверяла дона Гранкина – готов ли. Сколько обличий! Сколько масок! Её фантазия не знала предела! Почтальоны, друзья, соседи, милиция, девки по вызову, перепутавшие дверь – Игорь всякий раз узнавал Её, но принять в таком виде не мог и ждал, когда же она наконец-то явит себя в своём истинном обличии. Ожидание тянулось, как ленивая старая кошка, и Игорь начал было задумываться, а есть ли вообще будущее у их отношений? Может, она просто играет с ним, а по-настоящему посещает кого-то другого – какого-нибудь хитрого, низкого обольстителя? И он, недостойный, жадными, масляными глазками созерцает её совершенное тело, её лучезарный лик. Поёт ей свои лживые серенады, а бедному Игорю Гранкину не светит в этом мире ничего, кроме глумливых масок и кривляющихся обличий.

И стоило мысли этой повиснуть на его увядающих извилинах, как визиты просто-напросто прекратились. Как рукой сняло! Больше никто не стучался в дверь, не подхо-

дил на улице. Лишь наглые зелёные мухи скрашивали Игорёво одиночество – неумоимо бились они в немытое годами оконное стекло, ползали где попало и как могли напоминали, что жив ещё мир вокруг, и твари в нём не передохли.

«Надо готовиться к смерти», – поглядев на происходящее, решил Игорь Гранкин и с перепугу бросил пить. Со дня на день ожидал он теперь иную Даму. Обликом её он не грезил, а просто смиренно ждал, погрузившись в бытийное море маленьких событий. Квартира его постепенно приобрела обитаемый вид, как будто бы ожидаемая Дама должна была тут поселиться. На просветлевшем окне налился соком кактус, мухи поизвелись почти что все, и в Игоревом обиталище воцарились чистота и уют. Вечерами, сидя и вслушиваясь в лёгкую дрожь окружающего пространства, Игорь готовил себя – клетка за клеткой – к своевременной кончине.

Как-то сама собой вернулась жена – он и забыл о ней, настолько холостой была его недавняя жизнь. Как-то почти сама собой жена понесла. Ничего загадочного Игорь в этом событии не видел: то, что действительность полна необъяснимых с его точки зрения событий, он понял уже давно. А в мирское происхождение неуклонно растущего пуза супруги ему почему-то не верилось. Он смотрел на него, как на чудо. Если бы в доме завелись ангелы, или небо поменяло бы цвет на фиолетовый, он отреагировал бы точно так же. Когда жена в один прекрасный день сказала: «Мне пора» и вызвала скорую помощь, он сперва даже не сообразил в чём дело и в какой-то момент перепугался, что Дама, перепутав, покусилась на ни в чём не повинную женщину.

Забирая жену с дочерью из роддома, Игорь Гранкин заглянул в глаза младенцу и понял, что больше ему никого ждать и не надо. Прежняя жизнь закончилась, а новая – началась. Девочку назвали Дуней, и ещё целую вечность Игорь спасал её от великанов, драконов, ветряных мельниц и злых волшебников.

Папенькин сынок

Как-то раз Ивану Семёновичу приснилось, что в утробе его зреет младенец-мальчик. Да не просто зреет, а ещё и выглядывает время от времени в особое круглое окошко под сердцем и ворчит – не то ешь, не там ходишь, а за сношение с женой дитё и вовсе зверело – ругалось и по-всячески шумело – мне, мол, и так тут тесно, а вы соседа заделайте норовите. Само оно, согласно сну, образовалось, когда супруга Ивана, тощая скандалистка Анечка, в сердцах плюнула ему на живот. В ней самой вне сонного пространства дети, женского пола, заводились два раза и теперь жили в честь лета далеко на даче. Однако во сне она была неуёмна, сильна и к производству младенцев не приспособлена. Сам же Иван Семёнович оказался более чем готов к этому странному для мужчины делу: пузо его, и так не маленькое, и так круглое и упругое, постепенно наполнилось настоящим живым существом. Оно шевелилось, скреблось под рёбрами и, высовываясь в большой мир, громко вещало младенческим своим голоском.

А под утро Ване, уже начавшему просыпаться, показалось, что детская мордашка непоравимо похожа на соседа из квартиры напротив.

День не заладился. На бухгалтерской своей должности Иван Семёнович всё время путал не только сами цифры, но и цифры с буквами, а так же с пробелами, знаками препинания случайными помарками. Сотрудники беспокоились – кто норовил вызвать специальную душевную скорую помощь, кто предлагал похмелиться, а сухонькая старушка-кассир сверкала глазом, суетливо поплёвывая в угол. Она уже пять лет как из страха смерти вообще перестала спать. Все это знали, и потому божьего одуванчика боялись – мало ли что заведётся в недремлющем её мозгу.

Придя домой, Ваня широким жестом открыл холодильник и принялся вскрывать деликатесы, припрятанные к Новому году. Но в каждой банке съедал самую малость, тут же накидываясь на соседнюю. Потом опомнился – «ой, чего это я» – как смог наскоро закрыл баночки и пошёл смотреть, обливаясь слезами, как наша футбольная сборная проигрывает кому-то в Европе. Много лет назад, в глубоком детстве, он раз десять ходил в кино на «Чапаева», каждый раз надеясь, что тот выплывет, а теперь с тем же чувством включал в телевизоре родных футболистов. Вот и сейчас все утонули, и, в довершение печалей, пришла с работы жена и обнаружила продуктовый урон. Ивану Семёновичу хотелось умереть. Потом, подумав, он решил напиться, но и эта мысль, как ни странно, не прижилась и, взаимно поворчав с Анечкой, он завалился спать. И то ли съеденное явилось тому причиной, то ли ещё что, но из живота его снова возник младенец – протянув руку во внешнее пространство, он добыл крошечный футбольный мяч и стал играть прямо в Ивановом пузе. Было больно и почему-то обидно. Иван Семёнович разрыдался. «Да когда ж ты родишься, а?» – взвыл он и ничуть не удивился, когда в очередной раз из окошка в животе показалась маленькая почти безволосая голова и ответила: «Что, не терпится меня мамке сплавить? Не бо-ись, скоро уже, не сегодня-завтра. Только ты из зелёной банки больше не ешь, меня от этого пучит».

На том Иван Семёнович пробудился и всю оставшуюся ночь просидел на кухне, думая, а не завести ли им с Анечкой сына, раз такие сны снятся? Но представить жену опять в положении он решительно не мог, и даже заговорить с ней на эту тему боялся. «Ну не самому рожать, в самом-то деле», – подумал он и вздрогнул, вспомнив про сон. Чувствовал он себя грустно, глупо и страшно. Казалось, внутри и вправду кто-то шевелится. «Хорошо ещё, что не высовывается», – промелькнуло в его сознании, постепенно забывающем о столь нужной в жизни и в быту связи с реальностью. Началось это, кстати, довольно давно – то потеряет во сне что-нибудь, а после, наяву, ищут, то набьёт там кому-то морду, а потом угрызениями совести страдает. И теперь ещё этот младенец!

От потока спутанных мыслей Ивана Семёновича неудержимо потянуло в сонные глубины – разобраться, наконец-то, что к чему. Однако заснуть не получалось – выходило одно лишь тревожное ворочанье под зуд безответных вопросов и никакого сна. Пришлось выпить немного коньячка – вскрытая бутылка давно уже ждала своего часа в холодильнике.

Ребёнок был недоволен:

«Совсем с ума сбежал?! Меня ж мутит с твоего пойла! Всё – больше не пойдёшь туда, пока меня не родишь. И потом тоже не пойдёшь – ты мне здесь нужен!». – «Это как?» – спросил Иван Семёнович. «А так! Не пушу. Я ведь тутошний, мне можно. Ты давай, готовься, вот-вот рожать будешь!» – «Это к-к-а-ак?!» – встревожился роженец, мгновенно вспомнивший всё, что знал о родах. «А так!» – донёсся снизу ехидный голосок.

Сперва было больно немного, самую чуточку. Потом Иван Семёнович утвердился в мысли, что смерть его близка. А когда младенец со свистом и хохотом разорвал ручками окошко в пузе и полез наружу, на левую истекающую молоком отцову грудь... «Это конец», – подумал Ваня остатками понимания. Младенец – крупное, довольное собой создание – нагло восседал у него чуть ли не на шее, вглядываясь шальными глазами в измученное лицо. С виду ему было явно не несколько минут от роду, но Иван Семёнович оказался в тот момент не в состоянии удивляться таким вещам. Вспомнив несколько строк из «Отче наш», он усиленно пытался молиться, ожидая скорой кончины. Кажется, Смерть даже коснулась его – она была в белом свадебном платье, с лицом Анечки. Но, несмотря на всё это, ничего особенного не произошло. Живот вдруг сам собой сросся, остались только тоненькие красные полоски-рубцы, предсмертные ощущения улетучились, и Иван Семёнович опять залился слезами – на этот раз от умиления, обнаружив, что ребёнок спит, смачно присосавшись к его левому соску. Оглядевшись, новоиспечённый отец понял, что действие имеет место быть в его квартире. Подумал, что в шкафу валяется немало старых простыней и надо бы порезать их на пелёнки, а на антресолях должна стоять коробка с погремушками, оставшимися от дочерей. А кровать, наверное, до сих пор пылится на балконе – её предстоит отмыть и как следует протереть спиртом. О жене как-то не вспоминалось – похоже здесь её просто-напросто не было. Но Ивана Семёновича это и не волновало – его переполняло горячее родительское чувство, не оставлявшее место другим мыслям.

* * *

Когда врачи поставили мужу диагноз «летаргический сон», Анечка сперва расплакалась. Но, узнав что это не заразно, повеселела – она давно подумывала, а не развестись ли? Дочек она решила раздать бабушкам – каждой по штуке. Будущее виделось ей светлым и безоблачным.

...А через какое-то время в Ваниной квартирке действительно появился мальчик-младенец, ну просто копия соседа, жившего напротив – Анечка и зачала, и родила прямо на бывшем супружеском ложе.

В шкафу терпеливо таились старые простыни...

Креатив

«Пусть земля тебе будет пухом!» – басом сказал Егор, по-товарищески пожимая руку полной белобрысой девице Ольге. Она засмеялась, ущипнула его за бок и, поправив красную кофту, плотно облегающую её пышные телеса, захрустела яблоком. Егор курил, и, глядя на барышню, думал о том, что когда земля – не пухом, это совсем плохо. Уж кто-кто, а он знает. На макушку Ольге сел клочок пыли. Где-то за углом столкнулись машины, и она убежала смотреть.

Егор знал и то, что на любую девицу найдётся не только добрый молодец. Бывает, что находится лист полыни и осиновая ветка, а вот это уже серьёзно. Но кто ж их убедит – всё хохочут и яблоки едят. Егор с силой пнул ногой под пузо подбежавшую понюхать некрупную пушистую беспородную собачку, да так, что она, отлетев к стене, аккуратно сползла в густой чистотел и затихла. «Яблоки они едят!» – процедил сквозь зубы мужчина и тоже поспешил к аварии.

За углом, прямо напротив магазина игрушек, громоздился металл, жутко, угловато, во все стороны топорщился на собирающихся зевак. Сколько машин слиплось в дикую фигуру – две или три – понять было сложно. Может и все четыре! Металл дымился и, оседая, ещё двигался, но вряд ли кто-то в нём выжил. Егор остановился на почтительном расстоянии. А вот Ольгу так и тянуло заглянуть вглубь. «Въедливая! С первого курса такая!» – подумал Егор и нехотя сделал ещё несколько томных шагов. С очередным надкушенным яблоком в пухлых руках Ольга приблизилась ко всё ещё вздрагивающей железной куче.

Откуда появился человек с пистолетом в руке – не так уж и важно. «А ну, сука, отошла быстро!» – заорал он страшным голосом.

Ольга, наклонившаяся рассмотреть недра аварии, распрямилась и со словами: «Да с какого? Ты вообще кто такой?» запустила в человека отгрызком, попавшем как раз ему в лоб. А потом всё было очень быстро, как обычно в жизни не бывает, но случается в смерти. Человек выстрелил, потом ещё и ещё, и Ольга упала прямо на металл, который стал двигаться и наполз на неё горячим бесформенным оползнем. Кровь на её красной кофточке едва виднелась. «Пусть земля тебе будет пухом!» – снова пробасил Егор. Из-под длинной белой Ольгиной юбки виднелись её ноги – такие же белые. «Что же белее? Что белее?» – мучила Егора навязчивая мысль. Подросла полиция и врачи, но всё без толку. Человек с пистолетом, надрывно крича матом, забрался на самый гребень аварии и застрелился. Его тело рухнуло куда-то назад и исчезло.

Егору стало тоскливо. Он работал дизайнером и не успевал... не успевал... не успевал...

«Не успевать» – было его самым обычным состоянием. «Успевать» – случалось редко – по праздникам – на день рожденья или в Новый год. Тогда мозаика складывалась, и можно было даже немного попеть. Пел он просто-таки восхитительно, на никому не понятном языке, который придумывал на ходу. Все умилялись, плакали и как-то раз его даже объявили пророком. Это было на Новый год, он тогда нарядился Дедом Морозом, вокруг была серебристая мишура и «пророк Нового года» – звучало. А утром – уже как-то не очень. Утром никогда ничего не звучит, кроме, разве что, будильника. Утро – оно не звучное, оно в тумане, даже когда тумана нет, но ведь туман есть практически всегда.

Покойницу-Ольгу специальные похоронные люди извлекли из-под обломков и вместе с застрелившимся человеком и пассажирами машин, которых так никто и не смог посчитать, разложили в чёрных мешках на асфальте. Изредка внутри этих мешков начинали наигрывать весёлые мелодии телефонов. Никто не снял.

При жизни, не особо длинной, но и не слишком-то короткой, Ольга была однокурсницей Егора, она тоже очень хотела стать дизайнером, но в итоге стала любовницей начальника отдела, в котором работал Егор, шутивший даже: «Да, подруга, мы оба теперь под ним ходим – я днём, ты – ночью!» Вот так и общались они – как почти что родственники. И теперь Егор грустил и жалел себя: «Егорушка, головушка, нету побратимки твоей больше, совсем нет!» Из его головы не шла картина – металл, много металла – с краской и без, мятого, в дыму, торчащего в разные стороны, как морская тварь, живая и неживая, это как ещё посмотреть, и тело Ольги – дородное, в белой длинной юбке и красной кофте. И надо всем этим – долго-вязая фигура непонятно откуда взявшегося человека с пистолетом. Его длинные руки несуразно торчат, его уже почти что нет, есть только тело Ольги и от этого теперь не деться...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.